

ГЕНРИХ КУНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОФЕЙНИ

ПАРИЖСКИЕ СИЛУЭТЫ

ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ», ЛЕНИНГРАД, 1926

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и Век Просвещения, при добром участии **Старого сплетника-сказочника**. 2009

Орфография оригинала и написание имен собственных сохранены. Ссылки на дополнительные материалы даны редакторами *Vive Liberta*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Париж до начала Революции
2. Сад Палэ-Рояля и его кофейни в начале Революции
3. Якобинские кафе Тюльери
4. Кафе Корацца и антибриссотисты
5. После девятого термидора
6. Времяпрепровождение мускусников в кофейнях
7. Кафе Кретьен
8. Основание о-ва пантеонистов
- У. Новые богачи и обеднение народа

I. Париж до начала Революции

После продолжительного сопротивления, Людовик XVI, когда-то при вступлении на престол встреченный горячими благословениями, внук и наследник «многолюбимого» и много любившего Людовика XV, 8 августа 1788 года, наконец, соблаговолил созвать Генеральные штаты. Последние не заседали с 1715 г. Теперь им надлежало вновь собраться 1 мая 1789 г. Повидимому, при вызванной сумашедшею расточительностью двора и безалаберной налоговой системой финансовой разрухе, не оставалось другого средства спасти государство и престол от окончательной гибели. Даже парламент и нотабли, даже сословия Дофинэ и собравшееся в Париже высшее духовенство, желая предупредить грозившее государству банкротство, посоветовали созвать Генеральные штаты.

Декрет о созыве вызвал большое ликование среди представителей третьего сословия, особенно среди той интеллигентной части буржуазии, которая отведала философии Руссо, Вольтера и Дидро и была опьянена одержанными при участии Франции победами североамериканских колоний над Англией. Война эта, заметим мимоходом, увеличила государственную задолженность Франции на 1.750 миллионов ливров. Чем меньше понимали печальное экономическое положение Франции, тем больше надежд возлагалось на новый созыв Генеральных штатов. Многим казалось, что наступает новая эра, обещающая общие благополучие и счастье. Перед их сияющими взорами раскрывалось, подобно лучезарной фатоморгане, более радостное, светлое будущее, являвшее новую, славную Францию без недочетов и произвола старого режима. Лишь немногие рассудительные люди осмеливались сомневаться в том, что вскоре исчезнет вся нищета, если только соберутся представители третьего сословия и изложат безвыходное положение народа (под «народом» тогда понимали преимущественно только благонравную буржуазию): тогда будто бы воцарятся разум и право. Поэтому, думали, необходимо снабдить имеющих быть избранными депутатов

третьего сословия хорошими инструкциями и внести в эти указы, так называемые «Cahiers», все желательные проекты изменений и все пожелания.

Созыв Генеральных штатов вызвал, особенно в Париже, который в те времена представлял в гораздо большей степени, чем теперь, центр умственной жизни Франции, чрезвычайное, возбужденное, весьма возросшее, когда начались выборы в отдельных парижских кварталах и когда назначенные собраниями выборщиков комитеты приступили к выработке вышеупомянутых указов. В это движение отчасти были вовлечены мелкие ремесленники, низшие служащие и индустриальные рабочие, хотя выборный регламент и лишал эти слои населения права участия в выборах. Депутаты избирались непосредственно народом, но основные избиратели выбрали сперва из своей среды выборщиков, а эти последние затем - депутатов. Правом участия в основных выборах пользовались, однако, лишь лица, имевшие оседлость в выборном районе, занимавшие там собственную квартиру, имевшие определенную должность, постоянную службу, обладавшие свидетельством на звание цехового мастера или платившие ежегодно прямых налогов (гораздо более высокие косвенные налоги в расчет не принимались) не менее шести франков.

Охватившему почти все парижское население возбуждению особенно способствовал тяжелый экономический кризис, от которого Париж страдал в 1788- 1789 году. Почти во всех производствах царил застой и безработица. Еще в 1787 году в большинстве местностей Франции урожай оказался неудовлетворительным. 1788 же год был окончательно неурожайным. В результате совершенно прекратился вывоз парижской индустрии и предметов роскоши в провинцию.

К этому присоединилось еще то обстоятельство, что за предшествующие годы в Париже царил строительная горячка и это интенсивное строительство привлекало туда много строительных рабочих. Между тем ранняя и суровая зима 1788 года заставила прекратить эту деятельность. Люди рассчитывали на скорое возобновление работ весной 1789 года; однако им пришлось горько разочароваться в своих надеждах: новых построек почти вовсе не предпринималось; начатые постройки нередко оставались незаконченными; никто из предпринимателей не желал пускаться в аферы при вызванном неурожаем экономическом кризисе.

Нужда захватывала одно производство за другим. Почти приостановился водный транспорт по Марне и Сене. Сперва суровая зима мешала перевозкам, затем же, когда реки стали судоходны, не было грузов, так как вследствие неурожая отсутствовали пищевые продукты и сырье в качестве предметов транспорта. На набережных и пристанях Парижа рабочие сотнями слонялись с бледными от голода лицами, жадно выискивая случая заработать несколько су при нагрузке или выгрузке барок.

Подобные тяжелые условия жизни вызывают из состояния равнодушия и таких людей, которые в другое время совершенно не интересуются политической жизнью, их окружающей. В Париже эти условия привели к участию в начинавшемся революционном движении и такие части пролетарского населения, которые при более благоприятных условиях, вероятно, держались бы в стороне от него: обнаруживавшиеся на районных собраниях граждан мещанское самомнение и высокомерие зажиточных буржуа мало способствовали привлечению к этим собраниям представителей низших классов.¹

Гораздо более революционный, всюду находимый и активный элемент представляли пришлые, наполовину или целиком опролетарившиеся интеллигенты, безработные писатели, адвокаты, художники, врачи, студенты. Не найдя приложения своим силам и занятиям в узких условиях жизни провинциальных городов, не встречая там подходящей для их деятельности среды, эти люди направились в Париж, чтобы попытаться там счастья. Даже в прежние, более благоприятные времена ежегодно значительное число представителей этой пролетарской интеллигенции, не на ходившей заработка в мелких городках Франции или чувствовавшей отвращение к безысходной скуке тамошней жизни, бежало в Париж, где этим людям представлялись, как они полагали, совершенно иные возможности выдвинуться и устроиться.

¹ См., напр., С.Лотте, «Дело Ревельона» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_rev.pdf), Дж.Рюде, «Народные низы в истории: 1730-1848. Французская революция» (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>).

Зимой 1788-1789 года этот наплыв принял, вследствие хозяйственного застоя, характер прямо массового нашествия. Так как работу находило и достаточными средствами существования обладало лишь меньшинство этих интеллигентов, то они, большую часть, снимали комнаты и мансарды у мелких буржуа в рабочих предместьях и, преисполненные революционных идей своего времени, энергично развивали политическую пропаганду.ⁱⁱ Они читали вслух почтенным мещанам, у которых они проживали, и посетителям мелких парижских кафе и кабачков ежедневно выпускавшиеся во множестве политические памфлеты, поясняли им, по мере собственного умения, содержание этих брошюр и заводили с ними разговоры на политические темы. Некоторые, обладавшие даром слова, при случае выступали также на углах улиц или во всегда посещавшемся любопытными саду Палэ-Рояля в роли политических ораторов.

Париж вместе с предместьями, насчитывавший в 1789 году примерно 600.000 жителей, все больше и больше охватывала доселе ему совершенно неведомая политическая лихорадка. Правда, узкие, окаймленные высокими домами и худо освещаемые немногочисленными масляными фонарями улицы и переулки центральной части города, посредине которых в большинстве случаев протекали сточные канавы с выброшенным в них, по старине беспечной, домашним мусором, в малой степени проявляли то возбуждение, которое охватило население Парижа. Попрежнему там люди занимались делами. Но на бульварах и открытых площадях, там, где сосредоточивалось все движение, постоянно собирались группы прохожих, чтобы узнать новости, поболтать и поспорить.

Однако, чаще всего посещаемым местом являлся расположенный в центре города, к северу от Сены, и легко отовсюду достижимый сад Палэ-Рояля. В этом саду, окруженном с четырех сторон обширным комплектом зданий, с утра и до ночи происходили встречи и народные собрания. Густые толпы людей обступали столы и стулья, с которых юные ораторы, в большинстве случаев представители пролетарской интеллигенции; произносили пламенные речи, сообщали политические новости, вслух читали и поясняли хлесткие выдержки из газет и памфлетов или обосновывали свои предложения, нередко включавшие в себе самые курьезные требования. Об этом восторженно пишет своему отцу Камилл Демулен, в то время один из главнейших ораторов сада: «В Палэ-Рояле каждый вечер сменяют друг друга обладатели наиболее зычных голосов. Они вслух читают самое выдающееся, что появилось в печати о событиях дня. Молчание прерывается только криками «браво», раздающимися в наиболее хлестких местах. Тогда патриоты кричат «бис» (еще раз)».

II. Сад Палэ-Рояля и его кофейни в начале Революции

По соседству с садом Палэ-Рояля находилось несколько кофеен. Для них очень были кстати сборища в саду: раньше этого их посещаемость никогда не была столь велика. Когда садовые посетители утомлялись от долгого стояния на ногах и многих речей, они отправлялись в эти кафе и продолжали тем за несколькими чашками более или менее хорошего кофе свои рассуждения - часто до глубокой ночи.

Еще до Революции жизнь в парижских кафе представляла значительный интерес. В кварталах, расположенных по обеим сторонам набережных Сены, существовало довольно большое число кофеен, в которых зажиточные парижане выпивали после обеда и вечером свою чашку кофе, свой стакан вина или свою рюмочку водки, так назыв. «petit verre» (маленький стаканчик). В большинстве кафе посетители уже в те времена могли в случае желанья получать пиво. Чаще всего эти кофейни находились вблизи садов Тюльерийского и Палэ-Рояля.

ⁱⁱ См. историко-социологический анализ понятия «буржуазия» в XVIII в.: Е.М.Кожокин, «Французская буржуазия на исходе Старого порядка» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf>); главу из книги Р.Дарнтон «Великое кошачье побоище» - «Анатомия литературной республики в досье инспектора полиции» (http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_litrep.pdf, http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_litrep_att.pdf).

Нагулявшись, по своему мнению, вдоволь в хорошие послеобеденные часы люди охотно выпивали по чашечке кофе в соседних кофейнях. Впрочем, учреждения эти были рассчитаны не только на подобный ограниченный контингент послеобеденных посетителей: главную выгоду доставляли держателям кофейен вечерние гости - зажиточные предприниматели и ремесленники данного городского района, чаще же всего представители, так назыв. свободных профессий, например, адвокаты, секретари, актеры, врачи, казенные и коммунальные служащие. Здесь эти люди встречали своих друзей и знакомых и беседовали с ними о местных происшествиях, возрастающей дороговизне, городском управлении или политическом положении. Часто тут устраивались игры. Играли - притом нередко довольно крупно - в большинстве парижских кофейен еще задолго до Революции, хотя настоящий азарт охватил парижан позже, уже после начала Революции.

Таким образом, посещавшую кафе публику составляли преимущественно люди состоятельные. Рабочие, мелкие ремесленники и служащие в те времена крайне редко заходили в кафе. И у себя на дому эти люди не пили кофе, заменяя его мискою мучного супа, сдобренного салом, или без него. Именно два предшествовавших Революции года, как уже было упомянуто, представляли для парижских рабочих период горькой нужды. При 12-14-часовом рабочем дне индустриальный рабочий зарабатывал тогда лишь 25-30 су в день, а хлеб был дорог. В среднем фунт хлеба, представлявшего смесь ячменной и пшеничной муки, стоил от 3 до 4 су. Картофеля тогда в Париже еще не знали. По утрам, в обед и вечером в рабочих семьях ели хлеб и мучной суп. Поэтому семья из четырех членов ежедневно потребляла по крайней мере три фунта хлеба и полфунта муки. Следовательно, почти половина дневного заработка уходила только на один хлеб. На посещение кофейни ничего не оставалось, и в крайнем случае лучше оплачиваемый рабочий мог изредка позволить себе роскошь - выпить стакан дешевого вина или рюмку водки.

По окончании выборов и открытии заседаний Генеральных штатов, воследовавшем после торжественной процессии 5 мая 1789 года, в обращенной в залу заседаний, так наз. «Salle des Menus» Версаля, посещаемость расположенных около Палэ-Рояля кофейен значительно увеличилась. О лихорадочным возбуждением Париж следил за совещаниями. Каждому хотелось знать, что происходит в Версали. Газет в то время существовало мало; кроме того, даже довольно состоятельные люди не всегда были достаточно грамотны, чтобы понимать газетные сообщения. Политическим осведомительным органом являлась на первом плане только придворная «Gazette de France». Читавшийся более зажиточными представителями парижского делового мира «Journal de Paris» печатал только правительственные сообщения, театральные и музыкальные рецензии, биржевые цены, литературные заметки и курсировавшие в «обществе» сплетни. Лишь в конце мая 1789 года издательство привлекло в качестве референта о заседаниях Генеральных штатов бордосского депутата от третьего сословия Доминика-Жозефа Гара (Garat).

Правда, постепенно появился ряд листов, посвященных специально версальским совещаниям. Первым стал выходить 6 мая издававшийся Ле-Одей-де Сошеврелем «Journal de Generaux» (Журнал Генеральных штатов), затем, начиная с 10 мая «Lettres du comte de Mirabeau a ses commefrtants» Мирабо (Письма графа Мирабо своим избирателям), маленькое периодическое издание в форме брошюр, позже изменившее свое название в «Gourrier de Provence» (Курьер Прованса), наконец изданный впервые 19 июня Баррером де-Вьесаком и также выходивший тетрадками «Point du jour» (Наступление дня), равно как с 28 июня «Patriot francais» (Французский патриот) Бриссо.ⁱⁱⁱ

ГЕНРИХ КУНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОФЕЙНИ ПАРИЖСКИЕ СИЛУЭТЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ⁱⁱⁱ Об истории прессы во времена Великой французской революции см. материалы на странице: http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm

Эти и некоторые другие мелкие листки лишь постепенно, впрочем, снискали определенный круг читателей: они слишком мало давали большинству парижской интеллигенции, были чрезвычайно сухи и, главным образом, слишком дороги. Кроме того, в общественных кофейнях люди узнавали о различных секретах, о которых в газетах не печаталось, и находили возможность лично высказаться о слышанном, равно как выслушать чужие на этот счет мнения.

Наибольшую популярность пользовалось среди кофейен сада Палэ-Рояля кафе де-Фоа. Оно стало местом обычных собраний революционно настроенных интеллигентов, в большинстве не кровных парижан, но явившихся в огромный Вавилон на Сене из провинции отчасти безработных адвокатов, врачей, художников, актеров, чиновников, главным же образом, литераторов. Вскоре в помещение кафе де-Фоа перекочевал также клуб «Enragés» («Бешеных»), переименованный затем в клуб Палэ-Рояля и первоначально устраивавший свои заседания в специально сооруженном в саду деревянном бараке.^{iv}

Обычные посетители кафе не всегда чувствовали себя там уютно. За столами шли усердные дискуссии и нередко обмен мнений заканчивался взаимными ругательствами и даже рукоприкладством. От поры до времени поднимался кто-нибудь из любителей поговорить, прочитывал что-либо вслух из газеты или памфлета, обращался к собравшимся с речью, делал какие-нибудь предложения или декламировал какое-нибудь сатирическое стихотворение. В том кафе главными ораторами были: маркиз Сен-Юрюг, совершенно обнищавший аристократ, в начале Революции промотавший большое состояние и вернувшийся из Англии во Францию, затем старый актер по фамилии Граммон, равно два писателя Элизэ Лустало и Камилл Демулэн. Лустало там нередко читал вслух в несколько видоизмененном виде написанные им для своего издания статьи. Вскоре после взятия Бастилии он вместе с богатым книгопродавцем Луи Прюдомом основал обнимавший от 48 до 64 страниц в 8° долю листа еженедельник «Революции Парижа» (*Revolutions de Paris*), вскоре превратившийся в самый значительный журнал теоретиков радикального якобинства и снискавший такое политическое влияние, что аристократы сочли нужным противопоставить ему особое полемическое издание – «*Journal du journal de Prudhomme*».^v

Камиллу Демулэну в то время еще не удалось найти издателя. Первый выпуск его снискавшего знаменитость в истории Французской Революции, еженедельника «*Les revolutions de France et de Brahant*» (Революции Франции и Брабанта) вышел только 20 ноября 1789 года.^{vi}

Как в версальской «*Salle des Menus*», и в кафе де-Фоа бурные дни, естественно, сменялись тихими. Особенное возбуждение царило в саду Палэ-Рояля и в прилегавших к нему кофейнях, когда в конце августа 1789 года Национальное собрание перешло к обсуждению основ конституции и когда на повестке дня был поставлен вопрос о праве короля налагать абсолютное или только относительное veto на постановления Собрания. В кафе де-Фоа по этому поводу произносились речи, шли споры, выдвигались протесты, начиная с полудня и до позднего вечера. Одна резкая резолюция против роялистов сменяла другую.

30 августа помещения кафе вновь были запружены возбужденною толпою. Наконец остановились на решении послать депутацию с выражением резкого протеста в Национальное собрание. Возглавлять эту депутацию взялся маркиз Сен-Юрюг. Однако, новое городское управление, имевшее в саду Палэ-Рояля своих шпииков и установившее строгий надзор за кафе де-Фоа, немедленно узнало об этом плане.

^{iv} Вопреки названию, группа «бешеных» не отличалась ни анархизмом, ни кровожадностью. См. о них: Я.Захер, «Бешеные, их деятельность и историческое значение» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf) и др. научные материалы в нашей библиотеке.

^v Элизе Лустало и «Парижским Революциям» посвящен очерк Ю.В.Попова (http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#popov).

^{vi} Материалы о Камиле Демулэны собраны здесь: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>. Среди них – очерк Ю.В.Попова (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/popov_cdem.pdf) и Власия Михайловича Дорошевича (http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm#dorosh).

Оно распорядилось запереть выходы из сада чинами национальной гвардии и поставить там пушки. Депутация не могла выйти из сада и увидела себя вынужденною вернуться в кафе де-Фoa. Возмущенные этим присутствующие решили тогда отправить вторую депутацию к парижскому магистрату с требованием свободного пропуска первой депутации в Версаль. Однако, парижский коммунальный совет отказался принять делегацию. Право вступить в залу заседания коммунального совета было предоставлено только третьей депутации в виду того, что в состав ее вошло несколько видных граждан. По ходатайству ее затем милостиво был разрешен вход и второй делегации. Отправка же депутации в Версаль не была разрешена коммунальным советом, признавшим ее «противозаконной».

Подобное поведение городского управления вызвало среди посетителей сада Палэ-Рояля еще большее возбуждение. На следующий вечер кафе де-Фoa было битком набито. С речью выступил Лустало. За ним последовали другие ораторы из среды собравшихся. Некоторые советовали силою оружия проложить себе путь в Версаль. Большинству, однако, это показалось слишком опасным. Наконец были отправлены в городское управление еще две депутации. Правда, они были приняты, но коммунальное управление им объявило напрямик, что оно отказывается считаться с требованиями и пожеланиями Палэ-Рояля.

Натянутые отношения между политиками сада Палэ-Рояля и городским управлением от этого, естественно, только усилились. С некоторого времени и без того представители коммунального управления не особенно долюбивали то, что происходило около Палэ-Рояля. «Подстрекательство» там собиравшихся «бешеных», ежевечерняя шумная жизнь в кофейнях, крики и гам в близ лежащих улицах вызывали неодобрение миролюбивых умеренно-либеральных отцов города. Не такой свободы жаждали они; тут проявлялись дикая разнузданность, сумасшествие, бешенство, которые неминуемо вели к гибели.

К этому времени присоединилось еще и то, что рядом с кафе де-Фoa обосновался книгопродавец-спекулянт Десенн, устроивший, в особом помещении около своего магазина, маленькую выставку политических брошюр, памфлетов, газет, особенно же каррикатур на Марию-Антуанетту, высших сановников двора и роялистских вождей Национального собрания, а также на г.Бальи, городского голову Парижа^{vii}. Человек этот совершенно верно рассчитал, что хорошо заработает, устроившись рядом с многопосещаемым кафе де-Фoa. Его лавка почти никогда не была свободна от покупателей, и множество каррикатур нашло оттуда свой путь в руки посетителей сада.

Парижский муниципальный совет был недоволен «этою злокозненною распущенностью». Еще 29 июля 1789 года полицейский комитет коммунального управления издал распоряжение, что все иллюстрации раньше своего обнародования подлежат, под угрозой конфискации, разрешению со стороны г.Робена, чиновника цензора. За этим запретом, направленным против каррикатур, 3 августа последовало новое ограничение свободы печати: всем типографам и издателям предписывалось обозначать на заглавном листе всякого произведения свою фамилию и представлять на рассмотрение синдикального бюро по одному экземпляру раньше его опубликования. Одновременно, было постановлено, что за содержание произведения отвечает не только автор, но ответственны также типограф и издатель. Кроме того, были приняты меры и против агитации в саду Палэ-Рояля. Полиции и национальной гвардии было отдано распоряжение препятствовать скоплению больших масс в саду. «Все добрые граждане» получили приглашение собираться отныне не в Палэ-Рояле, но в своих районных помещениях, и там излагать свои жалобы.

Эти распоряжения не имели особого успеха. Они проводились в жизнь весьма слабо, вследствие боязни революционного брожения. Вдобавок большинство явившихся в Париж интеллигентов не имело собственных квартир и не пользовалось правами парижских граждан. Как уже было упомянуто, они проживали в предместьях у мелких мещан, почему и не допускались на районные собрания горожан. Для них распоряжение муниципалитета означало, следовательно, лишение права собраний.

^{vii} Жан-Сильвен Байи, первый выборный мэри Парижа; это имя еще встретится в брошюре Кунова. Материалы о Байи см.: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bailly>.

Призыв городского управления повел лишь к тому, что руководители сборищ в кафе де-Фоа отныне стали еще резче прежнего выступать против отцов города. – «Как? - восклицал в своих «Revolutions de Paris» Лустало, - в Париже проживают 40.000 пришлых, не считающихся городскими жителями и все-таки представляющих из себя граждан, хотя и не принадлежащих к Парижской Коммуне! Поэтому они не могут участвовать в районных совещаниях? Но так как на этих районных собраниях часто обсуждаются вопросы, интересующие не только Париж, но и всю Францию, то эти пришлые люди постепенно образовали свой собственный район, охватывающий именно Палэ-Рояль».

Обозленные бурными сценами, имевшими место в кафе де-Фоа, представители муниципалитета решили принять более крутые меры. Они постановили 1 сентября 1789 года выразить свое глубокое негодование по адресу Палэ-Рояля, подтвердить свои прежние постановления против «злонамеренных скопищ» и вместе с тем предписать главному начальнику национальной гвардии (Лафайэтту^{viii}) – «применять все имеющиеся в его распоряжении вооруженные силы Коммуны против нарушителей общественного спокойствия, арестуя их и направляя их в тюрьмы, чтобы можно было, согласно роду их преступления, начать против них дело».

Национальная гвардия, большинству членов которой дикое поведение революционной толпы в саду Палэ-Рояля давно опротивело, особенно охотно последовала этому приказанию. В следующие же дни по саду стали расхаживать патрули, разгонявшие всякое скопление народа. Неоднократно собравшиеся бежали от штыков в кофейни и кабачки. Но за ними и туда проникала национальная гвардия, изгоняя искавших там убежища. В кафе де-Фоа дело дошло до кровавого столкновения. Толпа не хотела разойтись. Национальная гвардия бросилась на нее в штыки. Те, кто не успели убежать, были переколоты. Большинство присутствующих пыталось спастись, выскакивая из окон. Землю и полы покрывали лужи крови, осколки, ломаные стулья и битая посуда.

В ближайшие две-три недели строгий надзор за садом препятствовал там более или менее людным сборищам. Посещаемость кофеен пала. Правда, у кафе де-Фоа все еще было много дела особенно после того, как женщины, члены революционных партий, начали устраивать свои собрания в расположенном в центре сада Палэ-Рояля цирке и отправляться после этих собраний выпить кофе в кафе де-Фоа. Теперь в его помещении нередко бывало довольно весело. Там произносились речи, декламировались стихи, пели, а иногда и танцевали. Несколько раз с речами выступала столь-же красивая, сколь и суетная Тэруань де-Мерикур, так наз. «амазонка от Революции». Благодаря тому, что она была во главе, так наз., похода женщин в Версаль 6 октября 1789 года, она стала политической знаменитостью и считалась среди собиравшихся в саду Палэ-Рояля женщин видным оратором. Собственно политическими или историческими познаниями она не обладала; но ее страстный, капризный темперамент и ее воодушевленная, резкая, необузданная речь часто увлекали слушателей, заставляя их громко выражать свое одобрение. Происходя из семьи фламандских крестьян, она собственно носила имя Анны-Жозефы Тервань; но после того, как некая любовная авантюра привела ее в Англию, она приняла фамилию графини де-Кампинадос, которую она впоследствии, поселясь в Париже, сменила на Тэруань де-Мерикур. Достигнув знаменитости, она держала в Париже политический салон, который посещали, кроме пользовавшегося особенным ее расположением аббата Сизейеса, одно время Барнав, Петион, Мирабо, главным же образом ее определенный поклонник Камилл Демулен. К числу ее поклонников принадлежал также поэт Мари-Жозеф Шенье.

Газеты аристократов сильно высмеивали эту «квартиру амазонки». Антуан Ривароль насмеялся таким образом над нею в своих «Actes des Apotres» сатире на «Деяния апостольские»:

ГЕНРИХ КУНОВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОФЕЙНИ
ПАРИЖСКИЕ СИЛУЭТЫ
ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

^{viii} «Герой Старого и Нового света»: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lf>

«Уверяют, что на улице Булонь, именно в отеле Гренобль, где проживает амазонка Тэруань де-Мерикур, собираются революционные главари Национального собрания, т.-е. его, так наз. дирижеры, и где Цирцея партии и Муза демократии воодушевляет своих адептов прелестью своей фигуры, выражением своего благоволения, своим умом и в еще гораздо большей степени своею пламенной любовью к свободе Венера там дает уроки публичного права... Среди ее учеников считается аббат Сийес, Петион Вилльнев, Барнав и счастливый обыватель, коего - увуй! - целомудренное сватание и безграничную любовь она вероятно скоро наградит браком. Таким образом отель Гренобль стал центром великих интересов возрожденной Франции!»^{ix}

Благоволение масс, впрочем, не слишком долго баловало красивую Тэруань. Во время предпринятого в 1791 году путешествия в Льеж она была схвачена австрийцами, доставлена в Вену и в конце концов все-таки отпущена на свободу в виду полной бездоказанности взведенных на нее обвинений. Она вернулась в Париж, но стала все больше и больше удаляться от радикальных якобинцев, в то же время завязывая сношения с жирондистами. Особенно она преследовала Робеспьера, морализирующие проповеди которого ей, по вполне понятным причинам, не нравились; она прямо ненавидела его. Когда она 12 апреля 1792 года вела в кафе Отто (Hottot) на террасе Фельян публично разные хвастливые разговоры и объявила, что вынуждена отказать в уважении Робеспьеру и Колло д'Эрбуа, последний насмешливо при общем смехе сообщил об этом случае якобинскому клубу. Обозленная этим присутствовавшая тут же в костюме амазонки Тэруань с хлыстом в руке перепрыгнула через барьер и грозила энергично отхлестать всех своих противников. При большом шуме она, несмотря на раздаваемые ею удары, была удалена из зала несколькими якобинцами.

Этот случай, к которому впоследствии присоединились еще другие, свидетельствовавшие о таком же возбуждении вспышки ярости, привел Тэруань в резкую коллизию с радикальными якобинцами. В конце концов ей за это отомстили: схватили в мае 1798 года на Тюльерийской террасе, связали ей юбки над головою и под гомон окружающих жестоко отодрали по голому телу. Подобного позора не вынесла Тэруань: она впала в бешенство, и ее пришлось отправить в дом умалишенных.

^{ix} Ривароль – известный насмешник (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#rivr>), к тому же он по другую сторону идейной баррикады, и доверять его словам вполне не следовало бы. Об Анне-Жозефе Тэруань де Мерикур по другим источникам: http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#TM. Вот как проникновенно пишет о ней Жюль Мишле:

«...Но в дверях слышится шум, мешающий им ответить, ласковый, приятный ропот... Молодая дама входит и хочет говорить... Как! Это сама мадемуазель Тэруань, прекрасная льежская амазонка? Вот ее сюртук красного шелка и большая сабля 5 октября. Энтузиазм доходит до высшей точки. «Это царица Савская, — восклицает Демулен, — посетившая окружного Соломона».

Она уже прошла все собрание легким шагом пантеры, она взошла на трибуну. Ее прекрасная вдохновенная голова, мечущая лучи и молнии, проявляется между мрачными, апокалиптическими фигурами Дантона и Марата. «Если вы подлинно Соломоны, — говорит Тэруань, — вы это докажете, вы воздвигнете Храм, — Храм Свободы, дворец Национального Собрания... И вы его выстроите на месте, где была Бастилия!

Как! В то время, как власть исполнительная обитает в лучшем дворце вселенной, в павильоне Флоры и колоннаде Лувра, власть законодательная помещается в шалашах: в Жё-де-Поме, в Меню, в Манеже, подобно голубю Ноя, не знающему, куда поставить ногу?

Так не может остаться. Нужно, чтобы народы, взглянув на здания, в которых обитают обе власти, по одной их внешности поняли бы, где пребывает настоящий властелин. Что такое властелин без дворца и бог без алтаря? Кто признает его культ?

Построим же этот алтарь! И пусть все этому способствуют, пусть все несут свое золото, свои драгоценные камни (вот мои драгоценности)! Построим единый истинный храм. Нет дома достойного Бога, кроме того, где была провозглашена декларация прав человека. Париж, хранитель храма, будет не городом, но общей для всех отчизной, местом встречи колен, — их Иерусалимом!»

«Иерусалим мира!» — восклицают восторженные голоса. Настоящее упоение, исступленный восторг охватил толпу. Если бы старые кордельеры, которые некогда под теми же сводами давали волю своим мистическим порывам, вернулись в этот вечер, они сочли бы себя по-прежнему дома, у себя. Верующие и философы, ученики Руссо, Дидро, Гольбаха, Гельвеция, — все невольно пророчествовали.» («Кордельеры и Дантон», http://pylippel.newmail.ru/guests/michelet_danton.html)

Что касается ее гостей, здесь упомянутых, то это люди все серьезные, имевшие репутацию благонравных в самом буржуазном смысле слова. Сийес (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#si>), Антуан Барнав (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#AB>), г-н Петион (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ptn>).

Это одна из печальных картинок Французской революции; к этой сценке можно было бы присоединить много других. Какое множество людей, которые в солнечный понедельник 4 мая 1789 года, преисполненные надежд, приняли участие в большой процессии в церковь св.Людовика, впоследствии окончили жизнь свою в тюрьме, в больнице для умалишенных или на гильотине! Впрочем, 1789-1790 годы были для амазонки от Революции еще днями роз. Чествуемая как мужчинами, так и женщинами за свое мужество и свою приверженность идеям Революции, она играла большую роль в Париже.

Подобно, впрочем, многим своим бывшим завсегдатаям, и кафе де-Фoa подверглось странным изменениям. Сперва некоторые из революционеров все еще держались старого места своих сборищ, но кучка их заметно убывала. Миновали блестящие дни кафе, особенно после того, как Национальное собрание было переведено из Версаля в Париж и затем поместилось сперва в старом архиепископском дворце, а потом в манеже вблизи Тюльери. Там сконцентрировалась тогда вся общественная жизнь Парижа; вместе с тем стали оживляться и местные кофейни. Кафе сада Палэ-Рояля сменились тюльерийскими. Кафе де-Фoa постепенно превратилось в кофейню реакционеров, чтобы в конце концов стать местом сборища так наз. muscadins (мускусников; см. ниже). Странная смена времен!

III. Я кобинские кафе Тюльери

Хотя, так наз., поход женщин в Версаль и не смог добиться для бедного голодавшего парижского населения требуемого „дешевого хлеба“, однако, он имел тот благоприятный результат, что король и создавшееся из Генеральных штатов конституционное Национальное собрание должны были переехать из Версаля в Париж, следовательно, по крайней мере на время несколько умалили влияние феодальной придворной и военной аристократии и сами очутились под контролем парижского населения. В час дня, 6 октября 1789 года король и его семья, сопровождаемые войсками национальной гвардии и ликующею народною толпою, направились в Париж. У городских ворот короля встретил г. Жан-Сильван Бальи. После взятия Бастилии бургомистр Парижа униженно и почтительно произнес следующее приветствие: «Государь! Какой это для нас прекрасный день, в который вашему величеству благоугодно пожаловать в свою столицу вместо с вашею высокою супругою и благородным принцем, который будет столь же добр и справедлив, как Людовик XVII».

Король поехал дальше в Тюльерийский дворец, где впопыхах едва успели сделать нужные приготовления для его приема и где чувствовался недостаток во всем, так что в первую ночь ему пришлось спать на походной кровати. Это была неудача, использованная агентами аристократической партии для того, чтобы склонить сердца благонадежных парижских граждан в пользу дорогого, бедного короля.^x

За ним последовало Национальное собрание, для заседаний которого не имелось подходящего помещения. Поэтому оно заседало временно, начиная с 19 октября 1789 года, в большой зале архиепископского дворца, а затем, в первые дни ноября, перешло в тем временем хоть отчасти приведенный в порядок, королевский «Манеж». Это переселение подало повод роялистской печати выпустить ряд всевозможных острот. Отныне она особенно охотно называла левую Национального собрания «каналъархиею» манежа, отдельных же ее депутатов - конюхами, грумами, стремянными и т.п.

Ныне мы тщетно стали бы искать на плане Парижа это вскоре достигшее мирового, исторического значения здание, в котором временно заседали все парламенты того периода: Национальное, Учредительное и Законодательное, Конвент и Совет Пятисот. Здание исчезло, как и многие другие некогда знаменитые дома, уничтоженные при дальнейшей перестройке Парижа.

^x Приходится поправить уважаемого Генриха Кунова. Людовик побывал в Париже через три дня после взятия Бастилии, 17 июля 1789 года. Но перевезли его на постоянное место жительства в Тюльери из Версаля в результате народного волнения, известного в истории как «октябрьский поход женщин на Версаль» (http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/ev_89_oct.htm).

В свое время оно находилось на углу тянущейся вдоль северной террасы Тюльерийского сада улицы Риволи и нынешней улицы Кастильоне, неподалеку от монастыря Фельян, в котором, в виду недостатка в манеже подходящих помещений, была помещена значительная часть парламентских бюро.

Иной вид, чем созванные шесть месяцев раньше, именно 5 мая, в Версали Генеральные штаты, являло впервые собравшееся 9 ноября в манеже Национальное собрание. Традиционные сословные различия в значительной мере сгладились, но зато тем резче выступили классовые контрасты. Парламент состоял теперь из ряда интриговавших друг против друга мелких «фракций» или клик. Высокие идеалы и грезы большею частью успели разлететься и место их заняла борьба за господство отдельных фракций и их интересы. Правда, в общем выделились четыре более или менее крупных партии: роялистская, демократически-конституционная, собственно демократическая и Крайняя левая; но все эти партии не образовывали тесно замкнутые в самих себе группы с определенными целями. Все они, в свою очередь, распадались на ряд клик, нередко состоявших лишь из немногих лиц, преследовавших свои интересы и колебавшихся из стороны в сторону, смотря по тому, угрожало ли что-либо этим интересам или благоприятствовало им. Еще хуже, чем в Национальном собрании, обстояли дела в самой стране. Вопрос шел теперь уже не о сословной борьбе между аристократией, духовенством и третьим сословием: в недрах самого третьего сословия бушевала буря между настроенными более или менее роялистски, слабо-либерально или демократически депутатами. Это представляло для агентов роялистской аристократии удобный повод к агитации среди терпевшего нужду населения, особенно же в армии с ее старым составом роялистского офицерства и наличием традиционной солдатской славы, и к обработке войск в духе определенных политических идей. Сначала, правда, роялисты после 5 октября признали более для себя удобным несколько подержаться в стороне; некоторые из принадлежавших к составу Национального собрания вождей даже бежали; однако в ноябре и декабре они пришли к заключению, что необходимо действовать энергичнее, если нежелательно совершенно проиграть игру. Как будто бы выростая из земли и быстро сменяя друг друга, стали появляться во множестве мелкие роялистские газеты, вроде «Actes des Apotres (Апостольские деяния). «Courier Francais» (Французский курьер), «Postilion de Henri IV» (Письмоносец Генриха IV), «Correspondance du Palais Royal» (Корреспонденция Палэ-Рояля), «Cronique scandaleuse» (Скандальная хроника), «Ami des honnetes gens» (Друг порядочных людей), «Chronique du Manege» (Хроника манежа). Все они представляли ряд «королевских» листков. Ведомые с более или менее публицистическою ловкостью, они изрыгали на неугодных им демократических депутатов и их приверженцев ушаты грязных инсинуаций, заподозрений, клеветы и оскорблений. Парижское простонародье радикального направления именовалось в этих органах «благородной» прессы не иначе, как отдававшими изящным вкусом обозначениями вроде уличной грязи, уличного навоза, сыновей публичных женщин, свиней, страдающих венерическими болезнями, сволочи, мерзавцев, каналов.

Доказательством изумительного непонимания политического положения и прямо-таки детского мирозерцания могут служить слова, сказанные Камиллом Демуленом, при наличии этих судорожных усилий роялистов, в первом номере его только что основанного еженедельника «Revolutions de France et de Brabant» (Революции Франции и Брабанта):

«Consummatum est - Все исполнено: король находится в Лувре, Национальное собрание - в Тюльери. Забьпью каналы опростаются, рынок ломится от мешков, национальная казна наполняется, мельницы мелют, изменники спасаются бегством, духовенство повергнуто в прах, аристократия вымирает, планы Мунье и Лалли расстроены, провинции идут друг с другом об руку и не желают ссориться, конституция подписана, патриоты победили. Париж спасен от банкротства, он уже избег голодовки, равно как убыли своего населения, которая грозила ему. Париж на пути стать королевою городов, и блеску столицы вскоре будут соответствовать величина и величие Франции.

После поражения Персея, в ту минуту, когда Поль Эмиль^{xi} поднялся со своей триумфальной колесницы и вступил в храм Юпитера Капитолийского, в дверях посланник одного азиатского города обратился к сенату со следующей речью: «Римляне, теперь у вас в мире нет больше врагов; вам лишь остается управлять миром и, подобно богам, взять на себя заботу об его благосостоянии».

Совершенно так же можно сказать теперь Национальному собранию: «Вам больше нечего опасаться врагов, противников, королевских veto. Вам остается только управлять Францией, сделать ее счастливою и дать ей такие законы, что все народы воспоследуют вашему примеру и почувствуют себя принужденными пересадить их на свою почву и ввести их у себя».

Какое смешное и вместе с тем опасное ослепление!

Перенесение места заседаний Национального собрания в манеж почти нисколько не изменило внешнего вида парижской уличной жизни. Только теперь, желая узнать новости, люди не ходили уже в сад Палэ-Рояля, но в сад Тюльерийский. Это и положило начало периоду делового расцвета там расположенных кофеен. Первоначально главная масса посетителей выпала на долю находившегося в самом саду и примыкавшего тылом к северной садовой стене кафе Отто (Hottot), так как, хотя передний фасад здания и выходил в сад, из его задней стены калитка вела напрямиком на площадь перед манежем. Не только сами депутаты, но и их знакомые и друзья, посетители трибун, просители и множество любопытных, посещавшие в дни важных заседаний площадь перед манежем, все они охотно заглядывали в кафе Отто. Кроме того, у многих депутатов вскоре вошло в привычку заходить после заседаний со своими коллегами в ближнее кафе, там беседовать о тех или иных моментах парламентской жизни или же приглашать туда своих ближайших друзей и единомышленников для того, чтобы дать им указания или лозунги для городской агитации.

Сперва кафе Отто посещалось некоторыми депутатами умеренно - политического направления, однако, в течение 1791 года, особенно после выхода фельянтов из состава якобинского клуба (в июле 1791 года)^{xii}, умеренные стали все больше и больше ретироваться. Кафе Отто превратилось в специальную кофейню якобинцев. Тут отдельные группы этой партии собирались нередко для дальнейшего обсуждения рассматриваемых вопросов уже после того, как заканчивались собрания членов этого клуба в ближнем доминиканском монастыре св.Якова (ныне у рынка Сен-Онорэ). Поэтому вполне правильно в тогдашних парижских полицейских сообщениях кафе Отто обозначается именем якобинского «агитационного кафе».

Кафе Отто, впрочем, недолго занимало положение кофейни преимущественно якобинцев. В 1791 году у него явился в лице соседнего кафе Соль (Saule) довольно опасный конкурент. Маленький, подвижной толстенький г.Соль был опытный во всех проделках, ловкий делец. Когда-то он занимался профессией странствующего врача, торговал чудесными мазями и тинктурами против всевозможных людских болезней; после взятия Бастилии он стал политическим агитатором и затем главою клакеров на трибунах залы заседаний манежа. Обвиненный в бессовестном вымогательстве у посетителей трибун (последние имели лишь от 500 до 600 мест, но желающих послушать прения было часто в три-четыре раза больше; это несоответствие привело к запрещенной законом тайной торговле местами на трибунах), он был уволен от должности, но вскоре затем, благодаря протекции, получил место надзирателя за трибунами. Это навело его на мысль устроить небольшое кафе для посетителей трибун и стекавшихся из провинции в Париж политических бесправных. План его удался.

^{xi} Камилл Демулен имеет в виду римского полководца Павла Эмилия. – *Это примечание принадлежит переводчикам издательства «Прибой».*

^{xii} Современная транслитерация – «фельяны». О том, кто они такие, см. книгу А.В.Тырсенко и несколько тематических статей на странице: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/tyrs.htm>. А раскол клуба в июне 1791 года связан с так наз. Варенским кризисом – попыткой Людовика с чадами и домочадцами удрать из Франции (http://vive-liberta.narod.ru/resp_calend/vareennes.htm).

Соль получил от управления королевскими дворцами (местность у террасы фельянтов в те времена представляла еще, так наз., «королевскую дворцовую собственность») местечко около тюльерийской стены, насупротив манежа, и основал там кофейню. Теперь дела г.Соля пошли блестяще. Лица, желавшие попасть на трибуны парламента и добывавшие себе билеты на вход туда в бюро кафе, пропивали тут немало денег, особенно когда г.Соль самым предупредительным образом осведомлял их о том, какова повестка дня, кто из народных представителей выступит с речами и каковы политические физиономии ораторов.

Помимо этого, и некоторые члены крайней левой, прежние посетители кафе Отто, постепенно стали привыкать к деловитости г.Соля. Впрочем, в его кафе, повидимому, не происходило настоящих партийных собраний. Впрочем, все это благополучие продолжалось недолго: в начале господства Конвента г.Соль - неизвестно, по каким причинам - вновь был лишен своей должности трибунного надзирателя, и тем самым для значительной доли посетителей трибун отзал повод к посещению его кафе. Также и литераторы покинули его. Настоящий же смертельный удар был нанесен кофейне Соля тогда, когда в конце мая 1793 года Конвент перенес свои заседания из манежа в Тюльерийский дворец. Тогда опустела и площадь перед манежем Якобинцы обратили свои симпатии на Конвент-Кафе на углу улицы Франсяд.

IV. Кафе Корацца и анти-бриссотисты

Помимо Конвент-кафе вначале 1793 года якобинцы часто посещали расположенное вблизи Палэ-Рояля «итальянское кафе» (Cafe Italien), обычно называвшееся по фамилии своего хозяина «Кафе Корацца». Особенно наведывались туда те из них, которые придавали значение некоторым удобствам. До того времени названная, более «аристократическая» кофейня служила местом свидания проживавших в Париже богатых итальянцев, более видных купцов, чиновников и знатных иностранцев, пивших тут свои кофе и вино, и вплоть до глубокой ночи игравших при этом в карты. Подобно многим тогдашним кофейням, преимущественно расположенным по бульварам, и кафе Корацца представляло из себя, так наз., лотошное кафе, в верхних помещениях которого шла оживленнейшая азартная игра.

В период созыва первых двух Национальных собраний оно часто посещалось пребывавшими в Париже провинциальными аристократами. В начале правления Конвента здесь, однако, собирались различные вожди якобинцев и кордельеров, объединенные общей тем и другим ненавистью к жирондистам или, вернее, к «бриссотистам» (приверженцам Жана-Пьера Бриссо, издателя «Французского патриота») под водительством членов Конвента Франсуа Шабо и Жана Колло д'Эрбуа, чтобы добиться свержения жиронды. Доминик Гара, бывший с октября 1792 года министром юстиции, а с марта 1793 года министром внутренних дел и, как таковой, имевший возможность ознакомиться со сведениями полицейских агентов пожалуй, прав, высказывая в своих «Memoires sur la Revolution» мнение, что именно здесь подготавливались падение жиронды и особенно восстание парижских предместий 31 мая 1793 года, равно как вырабатывались меры к окружению Конвента.^{xiii}

В это кафе иногда захаживал и Камилл Демулен. Он развил в себе все возраставшую, беспредельную ненависть к Бриссо, такую ненависть, которая не брезгала даже самыми гнусными средствами. Некогда, именно в 1790 году, после того как экзальтированный и всегда склонный к преувеличениям Камилл порвал свою связь с Мирабо, Бриссо и Демулен стали близкими друзьями. Сойдясь с ним, Камилл Демулен 20 декабря 1790 года женился на своей «Люсиль» (Люсиль Дюплесси^{xiv}); во время венчания

^{xiii} Нашему читателю «бриссотисты» наверняка более знакомы как «жирондисты». А если вдруг еще не знакомы, то споры о них, статьи, книги, биографии, романы и даже стихи – вот здесь: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/girond_ind.htm. События 31 мая – 2 июня 1793 года наиболее основательно освещены А.В.Гордоном в работе «Падение жирондистов» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/gord_girond.htm).

Что касается упомянутого здесь Жан-Мари Колло д'Эрбуа – о, это примечательная личность! (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb>)

^{xiv} Ссылку на Камилла мы дали выше, не оставим без внимания и его жену: http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#Luc.

в числе шаферов, рядом с Робеспьером, Петионом, Мерсье и маркизом де-Силери, был и Бриссо.

Бриссо стал частым гостем Демулена. Но друзья не сошлись характерами. У Бриссо, который продолжительное время жил в Англии и там занимался финансовыми и торгово-политическими вопросами, несмотря на его живой темперамент, было много черт либерального английского дельца-политика. Демулен же, напротив, особенно охотно разыгрывал роль облаченного в древне-римскую тогу остроумного народного трибуна - Гая Семпрония Гракха во французском салонном масштабе. Он был весьма мало сведущ в вопросах государственного права и еще меньше понимал в вопросах политико-экономических; но он обладал бойким, остроумным пером и, как немногие, умел найти насмешливо-фривольный или народно-сентиментальный тон и высиживал ежедневно какой-нибудь новый проект. Бриссо охотно смеялся над этим витанием своего нового друга Камилла в «области безбрежной фантазии», равно как над его склонностью примазывать к знаменитостям. Это было слишком для определенной суетности молодого Демулена, тем более, что и Робеспьер обладал, по его мнению, довольно глупую привычку третировать его как «enfant gate», как избалованного ребенка.

Дружба вскоре омрачилась и быстро сменилась глухой враждою, когда Бриссо несколько раз воспользовался случаем, чтобы в своем «Французском патриоте» в насмешливом тоне преподать своему бывшему юному другу разные добрые наставления и рекомендовать ему пореже всюду и везде соваться со своим носом, не подлизываться к политикам с крупными именами и не заставлять последних приглашать его на званые обеды или ужины. Такое третирование свысока чрезвычайно обижало Камилла Демулена и, когда в январе 1792 года Бриссо снова высмеял странное отстаивание Демуленом азартной игры, озлобление последнего не имело границ. Он написал свой стяжавший ему знаменитость памфлет «Jean-Pierre Brissot demasque» (Разоблаченный Жан-Пьер Бриссо), за которым последовали затем 2 и 19 мая известные обвинительные речи Камилла в якобинском клубе, которые, по постановлению этого клуба, вышли позже в виде брошюры под заглавием «Histoire des Brissotins» (История бриссотистов) с хорошеньким девизом: «Est-ce que des fripons la race eternelle?» (Разве плуты вечная раса?). С тех пор для Камилла Демулена его противник Бриссо был только политическим прохвостом, ханжой, мошенником, агентом Питта, лакеем Англии и т.д., которого безусловно следовало гильотинировать.^{xv}

Неизвестно, что побудило работавших над свержением приверженцев Бриссо радикалов избрать для своих собраний именно кафе Корацца, отстоявшее от манежа (10 мая 1793 года Конвент переселился, впрочем, из манежа в Тюльерпйский дворец) и помещения якобинского клуба в расстоянии примерно 600-700 метров. Быть может, участников заседаний привлекала пестрая оживленность, царившая в этой кофейне; может быть, они рассчитывали быть тут в безопасности от шпионажа полицейских агентов и сыщиков. Мне хотелось бы только упомянуть, что и лица, финансировавшие эбертистов, испанский банкир и спекулянт Гуцман, оба голландских банкира братья де-Кок, равно как стяжавший себе под именем Анахарзиса Клоотца (или Клоотса) известность немецкий барон Иоганн-Баптист Клоц, были посетителями кафе Корацца. Я не сумею сказать, принимал ли одно время сам Эбер участие в совещаниях там.^{xvi}

В апреле 1793 года свидания вождей антибриссотистского или антижирондистского движения (бриссотисты представляли лишь фракцию направления, обычно именуемого «жирондистским») в кафе Корацца заметно участились. Спор между жирондистами и радикальною парижскою демократиею вылился в форму борьбы на жизнь и смерть, и борьба эта близилась к трагическому концу.

^{xv} Да, но во время процесса над 22 жирондистами в октябре 1793 года тот же Камилл отчаянно воскликнет: «Это мой Разоблаченный Бриссо убивает их!..» (См. главу в книге «Революционный трибунал...» http://liberte.newmail.ru/Books/Rev_tribunal-7.html).

^{xvi} «Эбертисты». Очень разные люди, отчасти искусственно и схематично объединяемые в историографической традиции. См.: Морис Славин, «Эбертисты под ножом гильотины» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hebertistes_mslavin.htm), и об отдельных фигурах этого круга: Клоотсе (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cloots>), Эбере (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#duch>), Ронсене (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#rons>).

Поверхностные историки усматривали в этой борьбе за власть не что иное, как простое соперничество между определенными фигурами Конвента. Кому известны прения на собраниях в те бурные дни, особенно кто знает о заседаниях якобинского клуба и о разъяренной полемике жирондистских и радикально-якобинских газет - тому подобные объяснения могут показаться только смешными. В сравнении с тогдашними, даже самая ожесточенная современная газетная борьба напоминает вялый фруктовый лимонад в сопоставлении с высокоградусной сивухой. На столбцах газет жирондистов с «Французским Патриотом» Бриссо во главе раздавалась дикая ругань по адресу «кровожадной, каннибальской, гиблой черни Парижа» и ее «бесчестных, ищущих популярности руководителей». Якобинцы именуется подстрекателями, кровопийцами, субъектами, подкупленными Англией или Питтом, стервятниками и анархистами, а приверженцы жирондистов открыто призываются насильственно сломить господство «порочных трибунов» Робеспьера и Марата. На подобные инсинуации якобинская парижская печать отвечала в том же тоне, выдвигая такие эпитеты, как предатель народа, спекулянт жизненными припасами, биржевые спекулянты, иноземные наймиты, грязные душонки, кровопийцы, вампиры и т.п.

Еще во время выборов в Конвент обнаружилось, что бриссотисты и жирондисты располагали среди населения Парижа лишь незначительным количеством приверженцев. Их избиратели состояли по большей части из деловой буржуазии департамента Жиронды, торговых и промышленных селений Нормандии и разных южных портов. Еще в начале 1793 года у них в Париже не было твердой почвы под ногами, а тот прием, при помощи которого они в Конвенте постоянно противопоставляли Парижу умеренно-настроенные департаменты, грозя расколом и отстаивая, не считаясь с экономическим положением страны, интересы зажиточной буржуазии интересам голодающих народных масс Парижа, мило способствовал, чтобы вызвать к ним симпатии парижского населения.

Их налоговая политика и борьба против максимума, т.-е. против установления предельных высших цен на муку, хлеб и мясо, особенно возбуждали против них терпевшее такую острую нужду население столицы.

22 марта 1793 года жирондисты провалили в Конвенте, так наз., патентный налог (нечто вроде налога на промышленность, взимавшегося с владельцев торговых, фабричных или ремесленных предприятий и определяемого по наемной цене необходимых для производства помещений), хотя налог этот был весьма незначителен (казна получала от него ежегодно приблизительно 18 миллионов франков) и падал лишь на пользовавшиеся многими помещениями крупные предприятия. Так как при задолженности государства последнее не могло обойтись без поступлений от патентного налога, то вместо него думали превратить прежний налог на движимость в единый подоходный, который предполагали повысить настолько, чтобы он давал по крайней мере 75 миллионов ливров ежегодно. Предложенный 26 марта Конвенту проект подоходного налога предусматривал самоопределение поступлений плательщика, вычет прожиточного минимума в один франк в день (франк тогда стоил приблизительно столько, столько стоят у нас сейчас три марки) и внесение налога в 5% с чистого дохода при предоставлении, впрочем, особых льгот и снижений для лиц, ведущих собственное хозяйство, воспитывающих детей и принужденных поддерживать нетрудоспособных членов семьи.

Кроме того, был предложен умеренный прогрессивный дополнительный налог, падавший исключительно на зажиточные семьи. По проекту, семейство, состоявшее из мужа, жены и трех детей, должно было уплачивать такой дополнительный налог только в том случае, если оно проживало в год не менее 5.000 ливров (т.-е. по условиям нашего времени, примерно 15.000 марок).

Этот налог был несомненно весьма умеренным. Но жирондисты уверяли, что подобное обложение непосильно для деловых людей. Они заявили, что установление прожиточного минимума несправедливо, так как и беднейшие могли бы платить подоходный налог. На первом же плане, - уверяли они, - придется отклонить внесенный приверженцами Робеспьера проект о повышении прожиточного минимума до 450 франков в год.

Они не желали также применения «принципа прогрессивности» к дополнительному налогу, ибо - так пояснил жирондист Верньо - прогрессивный подоходный налог лишен твердого и прочного основания; прогрессия всегда произвольна и тем самым опасна для собственности.^{xvii}

Результатом оппозиции жирондистов был в конце концов полный провал всего проекта.

Вполне естественно, что такая линия поведения вызвала среди парижских мелких ремесленников, служащих и рабочих, часто нуждавшихся в куске насущного хлеба, крайнее негодование. Еще больше возмущались люди тем, что жирондисты восставали против установления предельных цен; когда же затем, побуждаемые голодом, отдельные кучки народа взяли приступом парижские булочные, эти же жирондисты объявили их погромщиками, разбойниками, бандитами, которых следовало перебить. Ярость беднейших слоев в конце концов дошла до того, что на парижском жаргоне «Brissotin» (сторонник Бриссо) превратилось в одно из гнуснейших ругательств.

Совместная работа приверженцев Дантона, Робеспьера и Марата с жирондистами в Конвенте оказалась уже невозможной. Той или другой стороне приходилось уступить. После того, как парижская коммуна еще 15 апреля 1793 года потребовала исключения из Конвента 22 жирондистов, там 2 июня разыгрался решительный бой. Он окончился арестом 32 жирондистов, впоследствии почти поголовно казненных за измену отечеству.

По окончании этой кровавой драмы постепенно прекратились свидания антибриссотистов в кафе Корацца. Цель этих свиданий была достигнута и вдобавок пути главных действующих лиц вскоре разошлись: Колло д'Эрбуа отправился в качестве комиссара Конвента в Лион, а Шабо, прежний капуцин, в начале октября женился на богатой немке по фамилии Фрей.^{xviii}

Кафе Корацца вернулось к своим былым традициям: оно вновь превратилось в кофейню умеренных конституционистов, в кафе, как тогда выражались в Париже, «gens comme il faut» (приличных людей) - полуроялистов и веселых прожигателей жизни. Роль его в истории Французской Революции на этом, впрочем, еще не закончилась. После того как граф Поль Баррас (Barras), впоследствии глава Директории, 9 термидора (27 июля) 1794 года был назначен главнокомандующим вооруженными силами Парижа, он поселился сперва в Rue Neuve des Petits Champs, а затем в Палэ-Рояле выше галлерей и любил не только выпивать свое кофе в ближнем кафе Корацца, но иногда и обедать или ужинать там-же, часто в обществе политических друзей и знакомых, посетивших его или им приглашенных. В те времена кафе Корацца славилось в кругах парижских жуиров своими хорошими винами. К числу друзей и фаворитов, с которыми Баррас частенько встречался в кафе Корацца, принадлежал также молодой генерал Бонапарт. С ним Баррас познакомился в сентябре 1793 года во время руководимой им осады Тулона и произвел его за умелое исполнение различных приказов из лейтенантов в капитаны и батальонные командиры. Баррас, начавший, в качестве уполномоченного от Конвента, члена Комитета общественной безопасности и плац-коменданта города Парижа, играть известную роль в политической жизни Парижа, совсем было потерял из виду молодого офицера и был поэтому крайне удивлен, когда Бонапарт однажды - то было, вероятно, в августе 1795 года - явился к нему в Палэ-Рояль с рекомендательным письмом от крупного ниццкого негодяя Пиррюгесса, знакомого Барраса, от человека, стяжавшего себе большое состояние путем поставок на армию, и просил назначения в войска, которыми командовал Баррас.

ГЕНРИХ КУНОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОФЕЙНИ ПАРИЖСКИЕ СИЛУЭТЫ

^{xvii} О финансовой политике Конвента и о налогах, в частности, можно прочесть статью С. Вавилова, «Якобинцы и принудительные налоги на богатых, весна—осень 1793 года» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/gavrilc_nalog.pdf), С.Коротков. ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО **РАССЧЕТ И ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ», ЛЕНИНГРАД, 1926**
ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
буржуазии, С.Коротков. Финансовая политика Французской революции: характер и итоги, С.Коротков. К вопросу об оценке итогов финансовой деятельности Конвента.

^{xviii} О Шабо: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#chabot>.

Дело в том, что уже имевший чин бригадного генерала Бонапарт был уволен со службы вследствие ряда предпринятых им интриг против своего начальника генерала Дюмерлиона, главнокомандующего находившейся в Италии армии; после этого он, заподозренный в конспирации с младшим братом свергнутого Робеспьера, в продолжение некоторого времени был арестован. Не зная, что предпринять после своего увольнения, Бонапарт предложил свои услуги Баррасу, который считал возможным использовать для своих личных целей вычеркнутого из списков армии молодого офицера, сделал его своим адъютантом и поручил ему затем в сентябре 1795 года, осведомленный шпионами о намерении роялисте и реакционной части парижской национальной гвардии насильно свергнуть господство Конвента, подавление задуманного реакционерами восстания. Впрочем, Бонапарт, вопреки сообщениям большинства историков сочинений, отнюдь не принял на себя в этом деле главного командования.

Подобно столь многим другим рассказам, и этот принадлежит к числу наполеоновских легенд. Противное доказывается беглым взглядом на тогдашнее распоряжение Конвента, где сказано: «Национальный Конвент постановляет о назначении бригадного генерала Барраса, депутата, главным командиром вооруженных сил Парижа и внутри страны».

Хотя молодой Бонапарт и не был назначен главным начальником войск, он все же настолько выказал свое соответствие поставленному ему заданию, что его труды вскоре заслужили признание со стороны Конвента; немного спустя состоялось его назначение на пост главнокомандующего итальянской армии.

Позже Баррас и «Бонапарт», как отныне стал именовать себя быстро достигший высоких почестей молодой человек, стали ожесточенными врагами: лишь только Бонапарт почувствовал прочность своего собственного положения, он перестал служить тщеславию и честолюбию своего прежнего покровителя. Он старался теперь, не считаясь с былыми отношениями, проводить в жизнь свои собственные широко задуманные планы и снискать себе популярность. Уже тогда Бонапарт, то есть Наполеон, решил любую ценою сделать карьеру; в продолжение некоторого времени он, чтобы выдвинуться, выступал по вечерам в кафе Корацца даже в роли публичного оратора.

Поэтому следует отнестись критически к сообщениям графа Барраса в его мемуарах. Правда, присоединенные историком Жоржем Дюрюи к этим мемуарам введение и примечания обладают еще меньшей ценностью, чем самый текст воспоминаний: они представляют не что иное, как специально приносившую, в интересах наполеоновской партии к поддержанию старых многоречивых наполеоновских традиций, окрошку, наивное обожествление героя.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что Бонапарт, став впоследствии под именем Наполеона французским императором, в продолжение 1793-1795 г.г. был приверженцем партии монтаньяров и даже признавал себя последователем Марата; далее, что он в вышедшей в 1793 году своей книге, напечатанной за счет Конвента и названной «*Souper de Beaucourt*» (по сообщению Барраса, Бонапарт сперва утаил выплаченную ему Конвентом на напечатание сумму и только впоследствии, уже став консулом, уплатил ее по требованию вдовы издателя), старался оправдать мероприятия приверженцев Робеспьера против жирондистов и стремился втереться в доверие к Максимилиану, младшему брату Робеспьера.

В продолжение 1795-1796 годов между Баррасом и Бонапартом держались, правда, еще довольно дружеские отношения, характер которых удачно иллюстрируется тем, что Баррас обращался со своим «юным другом», по царившему тогда во французских военных кругах обычаю, на «ты», тогда как Бонапарт говорил своему покровителю почтительно «вы» или «гражданин генерал». До восстания 13 вандемьера (4 октября 1795 года) он часто бывал гостем у Барраса и еще посещал вместе с ним кафе Корацца, особенно в последние дни сентября 1795 года.^{xix} Об этом можно заключить с некоторою определенностью из того, что стратегический план подавления изготавлявшегося реакцией восстания был выработан именно в кафе Корацца. Кроме Барраса и Бонапарта в этом кафе появлялись, впрочем, иногда также депутаты Конвента - Мерлен де-

^{xix} О Баррасе: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#brs>. И о Наполеоне Бонапарте: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp>.

Тионвиль^{xx} и Куртуа, - чтобы в отдельной комнате переговорить о политическом положении. Чаще всего эти беседы происходили поздними вечерами, после 10 часов.

Из различных обстоятельств следует, что г.Корацца исполнял при Баррасе обязанности шпиона и сообщал ему о политических новостях, подслушанных при разговорах посетителя чей его кофейни. Правда, в мемуарах Барраса на это указаний не имеется. Баррас ограничивается там (первый том, 18 глава) заметкою:

«Мы старались договориться насчет способов, как противодействовать превышению власти со стороны комиссии и вернуть Конвенту его прежнее значение. Днем мы собирались в гостинице г.Дуазна в Елисейских полях, вечером же в одной из комнат кафе Корацца. Этот простоватый хозяин кофейни, родом итальянец, являлся одновременно личностью дипломатического склада: у него был диплом от папы, уполномочивавший его блюсти интересы папского престола. Корацца был мне предан».

V. После 9 термидора

За падением жирондистов^{xxi} 13 марта 1794 года последовал арест главных членов парижской коммунальной коллегии; уже 11 дней спустя, 24 марта, эти лица были казнены. Дантонисты увидели, что их облава на, так. наз., эбертистов (фактически, впрочем, только некоторая часть казненных принадлежала к числу политических друзей Жака-Рене Эбера) имела успех. Особенно мог гордиться и быть довольным собою Камилл Демулен: как аресту жирондистов, так и обезглавлению руководителей парижской коммуны он честно способствовал своим ядовитым пером. Еще в октябре 1794 года, когда большинство жирондистов сидело в тюрьме и ожидало своего осуждения, дантонисты приступили к борьбе против представителей парижской коммуны. В конце ноября Камилл решился даже на издание особого журнала в целях подавления «ультрареволюционеров», на издание «Vieux Cordelier» (Старого францисканца); журнал этот был назван так по месту сборищ дантонистов, францисканскому монастырю Первый же номер этого журнала, вышедший 5 февраля второй декады 2 года (т.-е. 5 декабря 1794 года), немедленно начал с вероломного выпада приверженцев Дантона против представителей парижской коммуны. Подобно тому, как Камилл Демулен выставил против жирондистов обвинение, будто они дали подкупить себя английскому министру Питту, так он вновь выступил с заявлением, что приверженцы Шометта и Эбера продажные креатуры Питта. «О Питт! - сказано в начале первого номера - я преклоняюсь пред твоим гением. Какие вновь прибывшие из Франции в Англию лица дали тебе столь добрые советы и предоставили в твое распоряжение столь верно действующие средства погубить мое отечество?»

Вся статья дышит подлостью и вероломством. И этот выпад одобрили Робеспьер и Дантон! Как установлено, Камилл Демулен принес проект своих предназначенных в первый и второй выпуски «Vieux Cordelier» статей Робеспьеру, и тот сделал в нем разные поправки. Когда же Робеспьер понял, чего домогался Камилл Демулен и что должно было явиться неизбежным следствием подобных выпадов, он, правда, быстро ретировался.

Эбер ответил на эту инсинуацию в своем «Pere Duchesne» еще более грубо. Началась газетная полемика, вскоре перешедшая в отвратительнейшие взаимные поношения. Оба журналиста самым подлым образом ругали друг друга. В то время, как Демулен обзывал Эбера сумасшедшим, подкупленным Питтом и аристократиею мошенником, продажным осквернителем трупов и растратчиком, «молодым ослом с длинными ушами», Эбер ругал своего противника жалким интриганом, суетным фатом, рабом пороков, ослиною мордой и т.п.

^{xx} Мерлен из Тионвиля, храбрый «огненный дьявол», как прозвали его австрийцы (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mrl_tn).

^{xxi} Утверждение в общем верное, действительно за первым следовало второе, только с интервалом в 9 месяцев и 2 недели. Ссылку на «эбертистов» мы дали выше. Отметим здесь еще две персоны, Пьера Гаспара (Анаксагора) Шометта (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>) и Антуана Франсуа Моморо (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#momoro>).

Было бы, однако, ошибочно усматривать в этой газетной полемике только запальчивость двух крайне возбужденных и затронутых в своем беспредельном самолюбии журналистов. За этими выпадами таился глубокий классовый контраст.

Дантонисты не набирали своих избирателей ни среди делового парижского мещанства, ни среди мелких крестьян и рабочих, которые, поскольку они были вообще грамотны, вовсе не понимали академической французской речи дантоновской печати с ее тонкостями слога. Их приверженцы состояли главным образом из молодых, еще не достигших почестей и известности академиков, учителей, художников (почти все парижские актеры, за исключением отдельных и крупных имен, были приверженцами дантонистов), писателей и других представителей свободных профессий, отчасти также из представителей среднего чиновничества. Поэтому данные, слои населения и определяли в существенных чертах политическое поведение дантонистов. Правда, они требовали по возможности вольной конституции, но обнаруживали мало понимания потребностей отчаянно борющейся за свое материальное существование мелкой парижской буржуазии. Вопросы питания их вообще мало занимали. От тесного сближения с мелкобуржуазной массой их не только отпугивало их чванство своей образованностью, их стремление к беззаботному наслаждению жизнью, которое являло резкий контраст с выявлявшимся в одной части парижского мелкобуржуазного населения пуританским направлением, но еще в гораздо большей степени пред'явленное нуждающимся парижским населением государству и коммуне требование остановить ряд экономических мероприятий и дальнейшее вздорожание жизненных припасов. Такие требования, как обложение капиталов и доходов людей зажиточных в пользу неимущих, или приноровление государственного и городского режимов к хозяйственным потребностям низших слоев населения, не входили в программу дантонистов. Им хотелось уничтожить прежний режим, порвать старые пути, дотоле препятствовавшие экономическому развитию и свободному выявлению индивидуальных, умственных сил; они стремились отменить права старых корпораций, задерживавшие не только промышленников, но и буржуазную интеллигенцию в их социальном под'еме; они хотели устранить все сословные привилегии и дать каждому, получившему необходимую подготовку, возможность достигнуть высших государственных должностей. Между тем, политический перевес работавшего физически населения, подчинение интеллигенции массе и проведение политики, служившей интересам этой массы - все это, по понятиям дантонистов, отнюдь не относилось к той «свободе», которой они домогались

Поэтому, по мнению большинства дантонистов, свержение жирондистов знаменовало достижение «пределов революции». Что должно было еще произойти? Франция была республикой, феодальные и сословные права были отменены, равноправие пред законом гарантировано конституцией, введена свобода торговли и занятий ремеслами, всякий, не стесненный в том сословными преимуществами, мог достичь высших в государстве должностей. Тем революция была закончена. Все то, что предпринимала парижская коммуна - снабжение голодающего населения дешевым хлебом за городской счет, занятие безработных на общественных работах, освобождение низших классов от городских налогов, общественное питание семейств, находившихся в походе граждан - все это были вещи, лежавшие за пределами революции, вопросы, затрагивавшие право собственности и посягавшие на личную свободу; деньги на все эти расходы приходилось ведь взыскивать с имущих.

Уже 3 декабря 1794 года Дантон - правда, довольно сдержанно, - заявил в Конвенте, что революция по существу достигла намеченной цели, почему дальнейшее распространение системы террора неуместно. «Я требую, - сказал он, - выражения недоверия тем, кто желает завести народ за границы революции и предлагает ультра-революционные мероприятия».

Еще яснее об этом говорится в вышедшем 20 декабря 1793 года 4 номере «*Vieux Cordelier*», где автор ратует против дальнейшего продолжения Революции:

«Нет, сошедшая с небес свобода вовсе не оперная нимфа, отнюдь не крашенный колпак, не грязная рубаха или тряпка. Свобода эта - счастье, разум, равенство, справедливость, декларация прав человека - есть наша высокая конституция! Желаете, чтобы я признал ее, пал к ее стопам, пролил за нее всю свою кровь? В таком случае отворите двери темниц тем 200.000 граждан, которых вы именуете подозрительными, так как в декларации прав человека не сказано ничего о «Maison de Suspicion» (дом заключенных по подозрению) - там говорится только о тюрьмах. Подозрение не знает тюрем, оно знает прокурора. В декларации нет ни слова о людях подозрительных, а говорится только о таких, которые обвиняются в точно определенных законом нарушениях. И не думайте, чтобы предлагаемое мною мероприятие могло стать гибельным для Республики. Это было бы наиболее революционной мерой, к какой вы когда-либо прибегали. Вам желательно уничтожить всех своих врагов при помощи гильотины? Но видана ли была когда-нибудь большая глупость? Неужели вы можете покончить хотя бы с одним на эшафоте без того, чтобы не создать себе десять врагов из числа членов его семейства или среды его друзей?»

Не прошло и года, что Камилл с циничным остроумием требовал смертного приговора Людовику XVI и избрал для своей «Трибуны патриота» эпитафию из Сенеки: «Нет жертвы большей и более благоугодной Юпитеру, как пожертвовать королем», а теперь он корчил из себя человека мягкосердечного и проповедовал кротость!

Обедневшие мещане и рабочие, до сих пор принесшие Революции величайшие жертвы, подошли к поднятому дантонистами вопросу с совершенно иной точки зрения. По их мнению, теперь только и должна была начаться настоящая Революция. До сих пор им было мало пользы от новых политических свобод; теперь необходимо было энергично приняться за дело и довести его до конца. Необходимо было принудить богатых людей, особенно «новых богачей», впродолжение Революции составивших себе большие состояния, вернуть государству значительную часть своих больших богатств. Конвент же и городское управление должны были путем издания соответствующих законов позаботиться о том, чтобы бедная часть населения получила хлеб и достаточные средства к существованию.^{xxii}

Рядом с дантонистами мы видим третье направление: последователей Робеспьера из старых почитателей умерщвленного Марата. И они отчасти пресыщены террором, и им хочется вернуться к мирному положению,^{xxiii} но только не теперь, во всяком случае не сейчас, когда на севере и на востоке страны стоят армии иностранных держав, когда повсюду конспирируют эмигранты и когда в реакционно настроенных областях государства одно кровавое роялистское или жирондистское восстание сменяет другое.^{xxiv} Повернуть и взять при таких обстоятельствах иной курс было бы равносильно тому, чтобы отказаться от либеральных достижений Революции и предоставить поле сражения в распоряжение реакционных групп, другими словами отдать самих себя на мечь роялистам. Нет, при теперешних условиях нельзя согласиться на требуемое дантонистами «назад!» Наоборот, необходимо усилить террор и извлечь из низших слоев парижского населения последние революционные силы.

Среди таких отстаиваемых всеми группами с крайней беззастенчивостью воззрений не было посредствующего звена; тут была одна только кровавая борьба, борьба на жизнь и на смерть. И вот в первую голову пришлось 24 марта 1794 года представителю

^{xxii} Чтобы лучше представлять те процессы и события, которые описывает Кунов, нужно обратиться к подборкам документов, в частности, «Фракционная борьба 1793-94 гг.» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_classtrug.pdf), «Продовольственный вопрос» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_prod.pdf), «Террор в порядок дня!» (http://vive-liberta.narod.ru/doc/doc_terr.pdf).

^{xxiii} Речь идет о «бешеных». См. статьи о Жаке Ру (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#JR>), Жане Варле (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#varlet>), Теофиле Леклекке (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lecl_teo) и Клер Розе Лакомб (http://vive-liberta.narod.ru/revol_fem/revol_fem_1.htm#CL). К этой же группе – по настроению и взглядам – можно отнести Бабефа (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>).

^{xxiv} Жирондисты, так или иначе избежавшие ареста летом 1793 года, способствовали гражданской войне во Франции. См. А.В.Гордон, «Федералистский мятеж» (<http://vive-liberta.narod.ru/journal/gordon6.pdf>).

парижской коммуны взойти на эшафот, а уже 5 апреля за ними последовали дантонисты, а 9 термидора (27 июля) 1791 года рухнула и власть приверженцев Робеспьера. Могучая классовая борьба с ее постоянными кровопусканиями сломала даже силу сопротивляемости последователей Робеспьера. Оправдалось восклицание Дантона: «Я увлеку за собою Робеспьера - Робеспьер последует за мной».^{xxv}

VI. Время препровождение мускусников в кофейнях

Падение Робеспьера предоставило роялистам больше свободы для осуществления своих реакционных стремлений. Странные метармофозы постигли отчасти и парижские кофейни. Неоднократно упоминавшееся нами кафе де-Фoa уже через короткое время превратилось в кафе аристократов. Главным же образом старинное кафе де-Шартр совершенно изменило свой характер. Оно стало штаб-квартирой мускусников, freluquets (франтов) и «воспитанников Фрерона», т.-е. тех состоявших преимущественно из купеческих сынков, приказчиков, зажиточных прожигателей жизни и молодых академиков, той разившей излюбленными тогда мускусными духами контр революционной, «золотой» парижской молодежи, которая после 9 термидора начала ожесточенную борьбу с, так наз., террористами и моралистами. Они нападали на улицах на известных радикалов революционеров, устраивали ауто да-фэ революционной литературы и громили типографии, где печатались революционные газеты. Вожаки и «мускусники» держали себя в кафе де-Шартр как его хозяева, не только без дальних разговоров выкидывали оттуда лиц, казавшихся им политически-подозрительными, не только устроили бюро надзора за якобинцами, но и стали вскоре предпринимать оттуда экскурсии в другие кофейни, чтобы там задавать революционерам, по их выражению, «патриотическую трепку», т.-е. грубейшим образом издеваться над посетителями, представлявшимися им политически «неприличными», и колотить их.^{xxvi}

Позвольте привести два образчика того, какие дикости позволяла себе еще в 1795 году на глазах парижской полиции эта «золотая молодежь»: когда в январе в театре Одйно, на бульваре Тампль, шла тенденциозная мещанская драма под заглавием «Концерт на улице Фейдо или современная глупость», в которой распутство богатого мускусника противопоставлялось честной и порядочной жизни мещанского семейства из предместья Марсо, мускусники почувствовали себя оскорбленными. Пятого февраля они отправились в театр, потребовали от автора пьесы и директора театра, чтобы те публично просили у них на сцене прощения; когда же эти лица не согласились на подобное предложение, они учинили страшный дебош. Они удалились лишь после того, как явился полицейский комиссар в сопровождении нескольких полицейских и обещал представить пьесу на просмотр Комитету безопасности.

Последний не нашел повода запретить представление пьесы, и театральный директор Ст.Обен вновь включил ее в репертуар. Тогда знатные юноши-жуиры снова ворвались в театр, вооруженные палками бросились на сцену и воспрепятствовали игре актеров.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОФЕЙНИ ПАРИЖСКИЕ СИЛУЭТЫ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ», ЛЕНИНГРАД, 1926

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

^{xxv} Никакой «купюры» здесь нет, хотя содержание кажется несколько несоответствующим названию этой главы. Что ж, о Термидоре материалы собраны здесь: http://vive-liberta.narod.ru/discuss/94_therm.htm. А вот следующая глава действительно отведена После-Термидору.

^{xxvi} Некто Лакретель-младший, в зрелые годы ни много ни мало член Академии, на закате дней вспоминал «подвиги» своей мюскаденской юности. И не только он. См. свидетельства о посттермидорских нравах и обычаях у П.К.Добролюбского, «Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9 термидора» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-sect.pdf), «Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев)» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf), «Термидор» (монография, http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book).

А патрон «золотой молодежи» Фрерон – вот он, пожалуйста: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#frer>.

При выходе из театра некоторые из крикунов были арестованы полицией, но Комитет безопасности отпустил их на свободу. Это побудило почувствовавших себя обиженными мускусников к дерзкому протесту против поведения полиции и Комитета безопасности; протест этот заканчивался призывом «Долой якобинцев!»

Против подписавших протест ничего не было предпринято; но в такой же мере Комитет безопасности отказался запретить представление пьесы, а директор театра, вероятно усмотревший в учиненном мускусниками дебоше хорошую рекламу для театра, объявил о возобновлении постановки на 10 февраля. Лишь только об этом узнали кутившие в кафе де-Шартр мускусники, как они бросились к театру и с диким гомоном и гамом старались ворваться в него. Только когда явившийся полицейский комиссар объявил, что Комитет безопасности решил впредь до особого распоряжения запретить представления данной пьесы, толпа скандалистов вернулась в кафе де-Шартр, чтобы там отпраздновать свою победу.

Этим, однако, золотая молодежь не удовольствовалась. Один из ее вожаков, Альфонс Мартенвиль, составил четырехактную, содержащую в себе несколько циничных куплетов, контр-пьесу, в которой он злейшим образом высмеивал якобинцев. Так как у мускусников денег было вдоволь, и эта пьеса предположительно могла сделать хорошие сборы, то 20 февраля ее поставил театр Горы при живом участии юных жуиров, сопровождавших неприличные куплеты собственным пением и дикими ругательствами по адресу якобинцев.

Еще более крупный скандал устроили мускусники 21 января 1795 г. В ноябре 1793 года Конвент постановил перенести труп Марата в Пантеон. Вследствие этого мускусники считали своею обязанностью озаботиться немедленным удалением оттуда трупа, или, как они называли это, «очисткою Пантеона». Они соорудили огромное чучело в черном парике и красном якобинском колпаке; в одной руке кукла держала туго набитый кошель с деньгами, в другой - факел. Под звуки диких издевательств и злобных песен они прошли с этим чучелом по не скольким улицам на площадь Карусели, где замарали стоявший там памятник Марата. Затем, процессия с громким воем двинулась во двор около якобинской церкви. После диких издевательств над Маратом изображавшая его кукла подверглась сожжению, пепел же был торжественно собран в ночной горшок и выброшен в клоаку.

Так как распущенная и продажная парижская полиция относилась очень снисходительно и мягко к мускусникам, находившимся в хороших отношениях к богатым и знатым лицам, то дикие выходы птиметров^{xxvii} стали принимать все более грандиозные размеры. Владельцы кофеен охотно отводили им свои помещения под собрания, так как платежеспособные молодые господчики нередко еще до полудня являлись в кафе и истребляли, для повышения своего вдохновения, значительное количество вина, ликеров и кофе. Это было владельцам кофеен гораздо выгоднее посещений якобинцев. И вот мы видим, что за 1795-1796 годы целый ряд кафе, в том числе и несколько прежних якобинских, открыли мускусникам и напудренным господам в париках, «gens a cadenettes», свои двери и стали предоставлять в их распоряжение даже особые помещения для устройства филиальных отделений бюро надзора. Мускусным кафе стало и кафе де-Фоа, бывшее кафе «бешеных», равно как также относившееся к числу палэ-рояльных кофеен кафе Валуа и кафе Каво, далее - кафе д'Аржане, кафе Сент-Онорэ на улице того же имени, известное кафе Прокоп в старой французской комедии и еще целый ряд других «аристократических» кофеен.

Радикалы якобинцы увидели себя вытесненными отовсюду. Так как бывшее кафе Отто, ныне переименованное в кафе Пайен неоднократно пострадало от нападений мускусников, то они перешли в некоторые кофейни на бульварах в кафе Китайских Купален, далее в кафе Наи на улице Фавар и в кафе Жинэ на улице Сент-Онорэ вблизи резиденции якобинского клуба.

^{xxvii} Это не ругательство, petit-maitre'ы – щеголи, по-французски.

VII. Кафе Кретьен

Величайшего значения достигло среди этих политических кофеен бульварное кафе Кретьен. Даже старое кафе Шартр в качестве главной штаб-квартиры мускусников и аристократическое кафе Прокоп не играли в истории Французской Революции такой видной роли, как кафе Кретьен: в 1795-96 годах оно фактически превратилось в очаг конспирации радикальных якобинцев, а позже в клуб общества пантеонистов

Кроме кафе Кретьен, «террористы», как их ошибочно называли, правда, частенько посещали также упомянутое в предшествующем очерке кафе «Китайских Купален», равно как кафе Жине (на улице Сент-Онорэ), старинное тюльерийское кафе Отто, а также кафе Маделен вблизи одноименной церкви; однако, резиденцию генерального штаба радикалов, откуда преимущественно исходила агитация в пользу восстановления и проведения в жизнь конституции II года (1793), продолжало, несмотря на все отдельные политические перемены, оставаться кафе Кретьен.

Как в прочие якобинские кофейни, так и в кафе Кретьен контр-революционные мускусники и гвардия Фрерона совершали экспедиции для «наказания патриотов». Впрочем, хозяин кофейни, г.Кретьен, некогда бывший членом революционного трибунала, был энергичным человеком, нанявшим в свое учреждение, в предвидении возможных набегов, несколько здоровых молодцов. Кроме того, дубинами вооружились также некоторые из посетителей кафе, предостереженные поведением юных жуиров в других кофейнях. Таким образом, случилось, что мускусникам несколько раз пришлось ретироваться с окровавленными головами и в конце концов ограничиться появлением иногда маленькими отрядами перед кафе и руганью там. Тем усиленнее кафе Кретьен стало посещаться тайными парижскими полицейскими агентами, а позже шпионами Директории.

Сперва в кафе Кретьен стали заходить для обсуждения политических вопросов только некоторые крайне левые члены Конвента, журналисты и агитаторы. Дело в том, что те члены партии монтаньяров, которые способствовали свержению Робеспьера, ожидая от его падения устранения грозившей диктатуры, увидели, что они жестоко обманулись в своих демократических расчетах. Затаившиеся вследствие террора жирондисты, бриссотисты, дантонисты и т.п. вскоре снова рискнули выступить открыто. Баррас, Лежандр, Бурдон (Уаза), Тюрио, Мерлен объединились с Сизьесом, Буасси д'Англа, Дюраном, и к этой пестрой толпе быстро примкнули, так наз., «порченные» Горы (гора - монтань; поэтому радикальные якобинцы стали называться монтаньярами, так как в парламенте они занимали верхние ряды), Таллиен, Фуше, Фрерон. В общей своей совокупности они образовали новую группу «термидористов», победителей 9 термидора.^{xxviii}

Члены Конвента, принадлежавшие к крайним верхушкам Горы, так наз. «вершинники», которые свергли Робеспьера не оттого, что он был для них слишком радикален, но оттого, что они боялись его диктатуры, и которые желали видеть наконец проведенной в жизнь новую республиканскую конституцию 1793 года, увидели себя, ослабленные и изолированные, вскоре имеющими дело с «большой термидоровской» партией, в своей ненависти к робеспьеровскому режиму, повидимому, готовую раскрыть реакции безразлично все пути.

^{xxviii} Математик Лежандр не виноват, это его однофамилец Луи Лежандр. И у Бурдона с Уазы есть однофамилец – Леонар Бурдон, персональных ссылок пока для них нет. А тут – Мерлен из Дуэ (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#merlin_d), Буасси д'Англа (http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bs_an), Тальен (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#tl>).

Фуше вряд ли можно относить к этой же группе, Фуше – он столько же и «бабувист», а впрочем. Фуше всегда сам по себе (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#fcht>).

Революционный трибунал был ликвидирован, затем «реформирован» и занят креатурами новой коалиционной партии; потом было отменено судопроизводство от 22 прэреала и возбуждено обвинение против общественного обвинителя (прокурора) прежнего революционного трибунала, Фукье-Тенвиля^{xxix}. Затем большинство мест Комитета благосостояния^{xxx} и безопасности было занято термидористами, а в скорости затем после того, как новая партия создала себе необходимые гарантии порядка, было арестовано несколько комиссаров Конвента. Одновременно Лекуантр (Версаль) - уже через месяц после падения Робеспьера - выступил с длинным обвинением против ряда радикалов, членов Комитета и Конвента. Так как обвиняемые монтаньяры сумели очень ловко защищаться, то обвинение Лекуантра, правда, первоначально успеха не имело; но вскоре затем последовали новые предложения арестовать «вершинников», и уже 3 октября 1794 года действительно были вызваны в следственную комиссию Конвента Бильо-Варэнн, Баррер, Колло д'Эрбуа, Вадье и присуждены к ссылке.^{xxxi}

Эта месть термидористов и их реакционно настроенных приспешников побудила многих бывших якобинцев и кордельеров левого крыла бежать из Парижа или скрываться где-нибудь в парижских предместьях. Поэтому собрания опальных не могли быть особенно часты в парижских кофейнях: охотнее сходились на уединенных частных квартирах. Однако, после того, как 13 вандемьера III года (5 октября 1795 года) Бонапарт разбил восставшие роялистские секции парижской национальной гвардии и по назначении пятичленной Директории 26 октября 1795 года была объявлена всеобщая амнистия, значительное число бежавших или до тех пор скрывавшихся парижан вернулось к общественной жизни и возобновило свою прежнюю политическую деятельность. В то время, как посещаемость роялистских кафе заметным образом уменьшилась после 13 вандемьера, участились собрания и совещания левых республиканцев в известных якобинских кафе, главным образом, в кафе Кретьен; тут теперь почти ежедневно происходили совещания и тайные заседания вождей республиканского реституционного движения. Совещания эти часто посещались 50-60 лицами; к числу наиболее частых посетителей принадлежали Паш, бывший мэр города Парижа и бывший военный министр Бушотт, затем генерал Росиньоль, бывший председатель Комитета безопасности Вадье, депутаты Конвента Леонар Бурдон, Жан-Анри Вуллан, Жан-Амар, Жозеф Камбон и Жан Друэ (бывший почтмейстер Сен-Менеуля, который 22 июня 1791 года устроил арест Людовика XVI в Варенне), равно как редактор «Journal des hommes libres» (Журнал свободных людей), Ш. Антонель.^{xxxii} Кроме этих и других политиков Конвента в истории великой драмы Революции, стяжавших себе известность в более широких кругах, туда являлись некоторые бывшие члены парижского коммунального управления, также приверженцы Шометта или Эбера, равно как некоторые агитаторы среди рабочих из предместий Мерсо и Сен-Жермен.

Совещания; часто затягивавшиеся до глубокой ночи, обычно происходили не в общей вале кафе, но в запертой большой соседней с нею комнате. Принадлежавший к числу амнистированных, 60-летний Вадье председательствовал на них. В случае его отсутствия заседания вел Леонар Бурдон. В своем сочинении «Vadier, president du Comite

^{xxix} Фукье-Тенвиль (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fqtnv>). Должность его называлась именно «общественный обвинитель», «прокурор» в европейской судебной системе занимает другое положение и имеет другие обязанности. Обвинение было возбуждено не только против него, но и против всех бывших судей, присяжных, секретарей, приставов и даже сторожей Чрезвычайного революционного трибунала. 17 из них были приговорены к смертной казни, остальные отделались двумя месяцами томительных публичных слушаний дела между жизнью и смертью.

^{xxx} Это Комитет общественного спасения (http://vive-liberta.narod.ru/journal/fe_66_CPS.htm).

^{xxxi} Бийо-Варенн (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#BV>), Бапер (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>) и Колло д'Эрбуа (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#CHrb>) – члены Комитета общественного спасения, Вадье (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#vd>) – член Комитета общей безопасности. Кроме них, были обвинены Амар, Жак-Луи Давид и другие.

^{xxxii} Жан-Никола Паш (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#pach>), Вуллан (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#vln>), Амар (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#amar>), Камбон (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#cambon>), Жан Друэ (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#druet>). Шарль Антонель – бывший маркиз и бывший присяжный революционного трибунала (он еще много хлопот доставил и Директории, и первому консулу). См., напр., книгу Дж.М.Туган-Барановского «Бонапарт и республиканцы» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/nejacob_tugbaran.htm).

de surete generale sous la Terreur» (Вадье, председатель Комитета общественной безопасности в период террора) на стр.245 Альберт Турнье заявляет:

«После амнистии брюмера Вадье, в первые же месяцы, последовавшие за назначением Директории, вернулся в Париж. Там царило тогда большое возбуждение. Посланцы побежденных партий прославляли якобинцев 1798 года, оплакивали постигшую их судьбу, восхваляли прошлое за счет настоящего и указывали на вздорожание жизненных припасов, за которое они возлагали ответственность на новую конституцию. Число очагов агитации возрастало. Кафе Кретьен, постоянным почетным посетителем которого состоял Вадье, превратилось в настоящий главный штаб якобинского движения. Оттуда уже выходили дальнейшие группы. Не было только пункта их общего объединения. Общество Пантеона т.-е. старой церкви св.Женевьевы, восполнило этот пробел. Это находившееся в теснейшей связи с кофейнями Женевьевской Горы общество собиралось не в самом Пантеоне, но в непосредственной к нему близости: в трапезной монастыря св.Женевьевы или у "кардиналов площади виселиц", "Cardinaux a l'Eserapade"^{xxxiii}.»

«Парижский Курьер» донес об этих ночных сборищах, на которых, по его словам, Баррер вероятно обсуждал средства «сшить новые якобинские куртки»^{xxxiv}. Несмотря на свои шестьдесят лет, Вадье^{xxxiv} бывал там каждый вечер. Его избрали председателем и одновременно с ним Камбона - финансовым контролером.

Сведения у Турнье подтверждаются полицейскими донесениями. Первоначально собиравшиеся в кафе Кретьен составляли лишь слабое объединение разных лиц, не имевшее никакого устава. Но после того, как они вступили в связь с несколькими другими группами революционеров и дальше раскинули сети своей агитации, явилась крайняя необходимость в более прочной организации, тем более, что еще утром 22 брюмера II года (12 ноября 1794 года) якобинский клуб временно был закрыт по приказу Конвента. Дело в том, что 9 ноября кучка мускусников или, как их иначе называли демократы, лохмачей (faquins), подстрекаемая различными, прежде принадлежавшими к «распущенным» Горы термидористами, напала на заседавших вечером в якобинском клубе, но была якобинцами прогнана, после того, как эта кучка гнусным образом оскорбила часть посетительниц трибун, несмотря на то, что быстро явившаяся под предводительством Бурдона с Уазы на выручку вооруженная сила браталась с мускусниками, вместо того, чтобы принять против них энергичные меры. А так как это дело мускусникам сошло безнаказанно и их «геройский поступок» даже среди членов Конвента и в, так наз., высшем обществе вызвал полное одобрение, то мускусники 11 ноября повторили свое нападение. На этот раз войска действовали несколько быстрее и энергичнее: под защитую штыков собравшиеся могли закончить свое заседание. Результатом этого однако, было отнюдь не то, чтобы Комитет безопасности принял теперь меры против «faquins», но уже на следующее утро распорядился закрыть якобинский клуб с воследовавшим позже раз'яснением, что деятельность этого клуба непрерывно возбуждает общественное неудовольствие и вызывает нарушение общественной тишины.^{xxxv}

^{xxxiii} Кардино (Cardinaux) именовался хозяин, приютивший общество патеонистов, поэтому собрания последних в шутку назывались сборищами у «кардиналов (Cardinaux) площади виселиц». – *Примечание Кунова или переводчиков.*

^{xxxiv} Интересно будет уточнить, что же пишет Турнье. Потому что Баррер с ноября 1795 года до амнистии декабря 1799 года был на нелегальном положении, а до 1797 года и вовсе за сотни миль от Парижа.

^{xxxiv} Вадье вообще отличался энергичностью и решимостью. Пока Бийо, Баррер и Колло сидели под домашним арестом зимой 1795-го, ожидая своей участи, Вадье, почти на двадцать лет старше своих коллег, пешком отправился из Парижа на Юг Франции (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#vadier>).

^{xxxv} См, например: С.М.Моносов, «Очерки по истории Якобинского клуба» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/monosov_jc.htm), П.К.Добролюбский, «Термидорианская реакция (общественная жизнь по свидетельствам очевидцев)» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/dobr_therm-react.pdf), «Термидор» (http://vive-liberta.narod.ru/journal/therm_react_dobr.htm#book).

VIII. Основание о-ва пантеонистов

Заккрытие якобинского клуба означало великую победу, одержанную реакцией. В виду этого вожди якобинцев считали крайне необходимым теснее сплотить свои разрозненные силы. Это повело к основанию общества «пантеонистов», клуба Пантеона («Club du Pantheon»), первым председателем которого стал Вадье. Как уже было упомянуто, этот клуб заседал в монастыре св.Женевьевы; но вследствие полицейского шпионажа, там могли обсуждаться лишь сравнительно невинные вопросы. Тайные заседания руководителей, когда обсуждались организационные вопросы, - размеры агитации в революционных предместьях Парижа, объединение с однородными группами на юге Франции, необходимые революционные мероприятия и т.п. - большею частью происходили в кафе Кретьен, которое фактически являлось настоящею штаб-квартирою всего движения. Вместе с этим иногда устраивались более малолюдные заседания в кафе Маделен и в кафе Бодре (называвшемся иначе кафе Китайских Купален), вероятно, для того, чтобы сбить с толку, вечно подсматривавших полицейских шпионов.

Целью этого движения было, как мы упомянули, восстановление республиканской конституции 1793 г. без всякой диктатуры - в таком виде, в каком ее ввели Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст. При их владычестве большая доля этой конституции существовала только на бумаге. Теперь хотели провести настоящую, действительную демократию, а для этого необходимо было вызвать новую революционную вспышку.

Нашлись и люди, которые должны были стать во главе новой свободной республики. То были Бадье, Бурдон де-ля-Кроньер, Паш и Камбон. Последний с апреля 1793 года член Комитета благосостояния, когда-то принадлежал к так наз. «умеренным» или «вялым», усердно действовал против парижского городского управления, защищал жирондистов, боролся с финансовою и налоговою политикою периода террора; но затем усилившаяся реакция и продажность заставили его вступить в ряды крайних монтаньяров. Первоначально в 1794-95 годах почти каждый вечер в кафе Кретьен собирались и вместе с тем являлись руководителями и главными ораторами только-что основанного клуба пантеонистов, главным образом, члены партии монтаньяров в Национальном Конвенте, бывшие служащие парижского коммунального управления из групп шометтистов и эбертистов, политики, «революционеры» по призванию и журналисты. Вадье, Леонар Бурдой, Камбон, обычно председательствовавшие на тайных заседаниях в кафе Кретьен, являлись, как уже было упомянуто, вместе с тем и руководителями и ораторами «Клуба Пантеона».

Между тем политическая реакция продолжала усиливаться. Она нашла свое ясное выражение в полном бессилии крайней левой Конвента, в усиленном распространении по стране так наз., белого террора, особенно же в беспрепятственном возрождении и основании роялистских и контр революционных клубов, вроде, напр., общества Ноайль (Societe de Noailles) и клуба Клиши (Club de Clichy). Эта реакция вскоре принудила руководителей революционного движения искать связи с одинаково настроенными элементами в других частях Франции, другими словами - основывать там отделения клуба пантеонистов или, где это казалось приемлемее, так наз., братские общества. Вместе с тем они старались завязать более тесные отношения с рабочими и мелкими ремесленниками парижских предместий, откуда раньше нередко исходила инициатива борьбы с роялистами и жирондистами.

Агитацию в юго-западной Франции, где почва для подобного «собрания сил» казалась особенно благоприятной, принял на себя Барер де-Вьесак, бывший издатель «Point du jour» («Начало дня»), впоследствии представитель Комитета благосостояния в Конвенте. Из Бордо, где он сам завязал новые связи, он высылал своих эмиссаров в различные, считавшиеся «подходящими», департаменты Франции вплоть до Прованса. Вскоре он мог уже похвастаться видными успехами.^{xxxvi}

^{xxxvi} Весьма любопытные сведения. Которые требуют тщательной проверки, поскольку, например, два таких крупных современных биографа Барера, как Лео Гершой и Жан-Пьер Тома, об активной политической деятельности Барера в период, когда он сбежал из тюрьмы в Сенте и скрывался в Бордо, попросту хранят молчание... (Барер – крупным планом: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#BB>).

Агитацию в центральных департаментах взял на себя сам президиум клуба пантеонистов; ему удалось основать даже в Париже несколько небольших филиальных обществ, преимущественно в западных предместьях; тут, помимо мелких ремесленников, в новые союзы вступило также некоторое количество более сознательных рабочих. Тайные заседания этих союзов происходили главным образом в небольших кофейнях, расположенных в районе монастыря св.Женевьевы. Центральным же пунктом продолжало оставаться кафе Кретьен. О нем полицейские донесения от конца 1795 года сообщают, что там появляется во время вечерних собраний много «новых физиономий», - патриоты с юга страны и рабочие из предместий Парижа.

Антиякобинские газеты тех дней обычно называли упомянутых революционеров «хвостом Робеспьера». Это прозвище неправильно. Почти все они когда то были противниками Робеспьера и в первую очередь сами способствовали его падению. Девятого термидора Вадье и Камбон начали в Конвенте борьбу с Робеспьером. Когда 14 марта 1794 года последний велел арестовать главных деятелей парижского городского управления Эбера, Рузена, Моморо, Венсана и т.д., Леонар Бурдон выступил с энергичным протестом против робеспьеровской диктатуры и за это 16 марта был сделан со стороны Робеспьера в открытом заседании предметом доноса якобинцам: «Заговорщики снимают маски и хотят окончательно погубить вас. Посмотрите на их смелость! Не успели их клеветы подвергнуться каре мечом закона, как они уже осмеливаются тут, среди вас, выступать со своими убийственными для свободы взглядами. Леонар Бурдон похож на тех воров, которые засовывают свою руку в карманы соседей в то самое время, как их товарищи стоят на эшафоте».

О тех пор Робеспьер преследовал своего противника Бурдона выражением явного недоверия, на что тот отвечал, втайне готовя свержение Робеспьера. Он был одним из первых, которые 9 термидора, во главе направленных против национальной гвардии Анрио войск, проникли в здание ратуши, куда доставили Робеспьера.

Аналогичную относительно Робеспьера и Сен-Жюста^{xxxvii} позицию заняли также некоторые другие участники совещаний в кафе Кретьен. Поэтому чистый вымысел, если в разных сочинениях эти люди именуется «робеспьеристами». Правда, приходится признать, что некоторые из них видя за период 1795-98 годов возрастающую реакцию и противную распущенность возникшей на почве Революции новой «аристократии богачей», все более и более проникались сознанием, что с этою компаниею спекулянтов жизненными припасами (теперешние нэпманы), биржевиков, развратников и «мервельезок» («изумительные»; так назывались знатные модницы, носившие высокозабранные античные туники, оставлявшие бедра и ноги дам совершенно обнаженными) не справиться иначе, чем диктаторскою строгостью и террором.

IX. Новые богачи и обеднение народа

Постепенно общество пантеонистов вернуло себе часть того политического влияния, которым в 1793 году пользовался клуб якобинцев. Однако, его нельзя рассматривать, как простое продолжение старого якобинского клуба, хотя к нему и примкнули некоторые из прежних якобинцев. Дело в том, что это общество все более и более попадало в иное политическое течение. Некоторые из руководителей общества отлично поняли, что если их организация хочет пользоваться успехом в революционных предместьях и снова побудить рабочих с кустарями одиночками к борьбе с контр-революцией, этим людям приходится дать нечто более существенное, чем отвлеченные рассуждения о политической свободе и правах человека. Они полагали, что рабочим следует предоставить некоторые экономические выгоды и дать им надежду на улучшение их положения, на более внимательное отношение к их специально рабочим и ремесленным интересам.

^{xxxvii} Максимильтен Робеспьер (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>), Луи-Антуан Сен-Жюст (http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm). И генерал Франсуа Анрио (<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#henriot>).

Следствием этого было то, что в общество пантеонистов теперь стали проникать, наряду с прежними либеральными или старо-демократическими взглядами, отчасти также некоторые социально-политические, пожалуй, социалистические и коммунистические идеи, правда, в такой формулировке, которую мы ныне признали бы весьма утопическою. Об экономических взаимоотношениях и их обусловленности историческими данными даже наиболее способные члены нового общества были очень мало осведомлены.

Они видели только жалкое состояние низших слоев народа, видели печальное положение, выработавшееся постепенно после падения Робеспьера. Исходя из положений конституции 1793 года, в силу которой все люди от природы совершенно равны и целью общества является всеобщее благоденствие, они рисовали в своем воображении разные фантастические идеалы, которые, по их мнению, могли быть легко осуществлены.

Само собою разумеется, что, выступая с этим, они находили отклик среди обедневшего парижского населения, тем более, что улучшение, на которое люди очень рассчитывали после низвержения триумvirата Робеспьера - Сен-Жюста - Кутона, отнюдь не наступало; наоборот, экономическое состояние беднейшей массы народа становилось все печальнее. Хозяйничание ассигнациями (бумажными деньгами) приняло прямо-таки угрожающий характер. В своей безысходной нужде в денежных средствах Конвент раз навсегда уполномочил свою финансовую комиссию на изготовление ассигнаций «по мере потребности в них для службы и обмена». И без того перегруженный бумажками денежный рынок был залит целым потоком новых ассигнаций. Он реагировал на это тем, что снизил цену ассигнаций вскоре до 20,15 и 12 процентов их номинальной стоимости; притом в южных и восточных департаментах падение ассигнаций совершалось еще быстрее, чем в Париже. Вследствие этого быстрейшим темпом соответственно стали дорожать жизненные припасы. Цена фунта масла в конце 1795 года, напр., в Париже колебавшаяся между 3 и 31/2 ливров (франков), к середине апреля 1796 г. поднялась до 9-10 ливров, говядина за то же время - с 11/4 – 11/2 ливров приблизительно до 4 ливров, мера картофеля - с 3 до 15 ливров. К атому присоединилось еще и то, что за тот-же период заработная плата поднялась сравнительно немного, в ремесленных предприятиях едва на 50-60%, между тем «очищенный» Конвент уже несколько дней после наступления нового вздорожания, а именно 12 января 1796 года, повысил суточные своих членов с 18 до 36 ливров.

А между тем в то время, как рабочие и мелкие ремесленники голодали, возвысившийся в период Революции особый класс «новой денежной аристократии» ринулся в вихрь самых сумасбродных удовольствий, и один публичный скандал сменялся другим. Казалось, будто падение Робеспьера спустило с цепи дикую, жадную до удовольствий, охваченную самыми гнусными инстинктами наслаждения свору. Никогда, даже во время наибольшей порочности умирающего Рима, не существовало, вероятно, более распущенного, более бесстыжего общества, чем во времена Директории. Возникшая в период Революции новая буржуазия спекулянтов, эксплуататоров и ростовщиков лишь чрезвычайно неохотно подчинилась робеспьеровским мероприятиям к созданию носившейся в воображении диктатора добродетельной республики. Теперь эта буржуазия почувствовала себя освобожденною от этого гнета и увидела, что путь к наслаждениям и вкушению полностью радостей жизни свободен, т.-е. дана возможность безрассудного проматывания легко добытых богатств. Бесстыдное поведение представителей этого класса ядовитым туманом легло на всю общественную жизнь Парижа. В садах Палэ Рояля, Тюльери и на Елисейских полях вновь появились проститутки или, как их тогда часто называли, дебоширки и куртизанки. Часто они выступали небольшими кучками, одетые на подобие древних гречанок в прозрачные платья, и старались там открыто, среди бела дня, изловить себе мужчин. К удовлетворению жажды удовольствий жуиров и золотой молодежи имелось, кроме 22 театров с преимущественно крайне фривольным репертуаром, еще множество сомнительных бальных зал. Игорные дома и лотошные кафе, где также происходили нередко танцы, выросли, как грибы.

Рядом с ними, чтобы избежать полицейского надзора, возникали в изобилии частные игорные клубы, куда имели доступ только члены. Последние должны были при поступлении в эти учреждения, представить поручительство двух старых членов и предварительно внести определенную сумму в виде залога. Интересно, что даже при азартных играх политические взгляды играющих некоторым образом выносились наружу: часто играли картами, короли, дамы, валеты которых были заменены изображениями известных вождей и руководительниц роялистов, портретами реакционеров, министров, генералов и т.п.

Одновременно с этим во всей общественной жизни, притом не только в политической, но и в деловой, а также в административной практике разных государственных учреждений, особенно же среди парижской полиции, обнаружился быстрый рост подкупности. Публичные скандалы и судебные разбирательства постоянно доставляли доказательство того, что низшие и высшие служащие полиции крайне продажны. За примером гр.Мартинах в феврале 1795 года, которая на улице Траверсьер-Онорэ содержала игорный салон, и для того, чтобы обезопасить себя от преследований полиции, платила контролеру Комитета безопасности, почтенному гражданину Жильберу, ежемесячную дань в 400 ливров, вскоре последовал ряд других, подобных же сенсационных скандалов.

Если рабочие и мелкие ремесленники ничего не узнавали обо всех подобных случаях подкупа, они все-таки в достаточной мере видели поведение *«новых богачей»*, чтобы в своем печальном положении воспылать горячею ненавистью к этому классу людей. Они охотно прислушивались к речам пантеонистов, которые, в свою очередь, сами частью держались всевозможных социалистических взглядов и вошли в более тесный контакт с Франсуа Ноэлем или, как он сам именовал себя, Гракхом Бабефом. После того, как Бабеф в начале ноября 1795 года, благодаря общей амнистии, освобожден от тюремного заключения, он стал часто участвовать в тайных заседаниях кафе Кретьен. Многие статьи, написанные Бабефом для руководимого им издания *«Народный Трибун»* (*«Tribun du peuple»*), там читались им вслух, обсуждались, изменялись или дополнялись; не мало было там выработано планов новых статей и воззваний.

Поведение Бабефа в некотором отношении типично, показывая, каким образом многие бывшие якобинцы пришли за период 1794-96 годов к социалистическим или коммунистическим взглядам. Когда в 1789 году началась Революция, Бабеф с воодушевлением отдал всего себя революционному движению. Несмотря на то, что он примкнул к партии Горы, он, однако не выработал в себе ясного понимания условий политического развития и не занял определенной позиции по отношению к той или иной партийной фракции. Он оставался гуманитарным мечтателем, для которого многоистолковываемое положение республиканской конституции *«Le but de la societe est le bonheur commun»* (*«цель общества - всеобщее счастье»*) являлось идеалом всякой политической мудрости. Так, например, он на страницах *«Journal de la liberte de la presse»* (*«Журнал свободной печати»*) с величайшею страстностью выступил против исключения обоих подкупленных г.г. Тальена и Фрерона (последний позже стал одним из главарей мускусников), назвав их удаление *«ignominieuse expulsion»* (постыдным изгнанием); затем после 9 термидора он на короткое время попался в лапы, так наз., «термидористов», а потом, отталкиваемый их реакционными вождями, снова обратился к террористам и с таким же усердием, с каким он некогда отстаивал Тальена и Фрерова, вступил в борьбу с руководимую этими господами кликою; эта метаморфоза стоила ему 10-месячного тюремного заключения. В тюрьме он познакомился с прежним робеспьеристом, поддавшим влиянию социалистических идей Буонаротти и его другом Дартэ, бывшим секретарем казненного комиссара Конвента Лебона; ими он был введен в учение коммунизма. Освобожденный в ноябре 1795 года в силу общей амнистии из тюрьмы, он примкнул к вожакам монтаньяров кафе Кретьен и вскоре стал играть среди них выдающуюся роль.

Хотя правительство Директории и было вполне осведомлено через своих агентов обо всем, происходившем в кафе Кретьен, и некоторые реакционные газеты, с «Sentinelle» (Часовой), бывшего правого жирондиста Луве^{xxxviii} во главе, не переставали указывать на творившееся в этой кофейне, Директория все-таки избегала немедленно вмещаться в агитационную деятельность пантеонистского клуба. Поступала она так не оттого, что симпатизировала проводившемуся последним движению, но потому, что думала найти в нем известный противовес, пригодный для использования против реакционных стремлений роялистов, грозивших прочности самой Директории. Игравший тогда в Директории главную роль граф Баррас старался войти в некоторую связь даже с заговорщиками кафе Кретьен. Его личный секретарь впродолжение некоторого времени был частым гостем этой кофейни.

При дальнейшем росте пантеонистского движения и проникновения в него воззрений Бабефа, Директория, стала относиться впрочем, все более и более недоверчиво к главарям пантеонистского клуба, особенно к самому Бабефу, Гракху казавшемуся наиболее опасным среди них. Неоднократно в своих заседаниях Директория занималась вопросом, не следовало ли бы, наконец, распустить общество Пантеона и арестовать его главарей, пока, наконец, в мае 1796 года полицейский агент Бакон и служивший шпионом член пантеонистского клуба Гризель (ставленник Карно) не сообщили о намерении посещавших кафе Кретьен главарей клуба начать в ближайшие дни выступление, свергнуть Директорию и восстановить конституцию 1793 года с Национальным Конвентом и Комитетом благосостояния. 26 февраля 1796 года генерал Бонапарт, по поручению Директории, вооруженною силою закрыл клуб Пантеона. За этим последовал длинный ряд арестов. Среди арестованных находились из числа более известных руководителей клуба: Бабеф, Буонаротти, Дартэ, Жермен, Вадье, Друэ, Амар, Россиньоль и Лэньэло. Вместе с другими вождями они были преданы государственному вандомскому суду, который, после продолжительного разбирательства, приговорил Бабефа и Дартэ к смерти^{xxxix}. Буонаротти, Жермена, Казена, Баннена, Монисье к ссылке и оправдал остальных обвиняемых, числом 45 человек, за исключением Вадье, оставленного пока под арестом.

Таким образом была сломлена сила революционного движения. Часть бывших якобинцев, правда, еще продолжала агитацию и, года три спустя, даже основала новое «Общество друзей равенства и свободы». Но эти неопантеонисты имели лишь ничтожный успех - бывшее воодушевление пропало и гнет нового военного режима слишком сильно давил низшие слои населения.

Вместе с этим прекратились и политические собрания в былых якобинских кафе.

В нашей библиотеке это – второй труд Генриха Кунова; ранее мы предлагали нашим читателям фрагменты его объемистой «Борьба классов и партий в Великой французской революции».

Близки к теме данного очерка этюды д-ра Шиковского, «Люди и нравы Французской революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shik_temp_mores.htm), и Жоржа Ленотра, «Повседневная жизнь Парижа во времена Революции» (http://vive-liberta.narod.ru/biblio/shik_temp_mores.htm#GL).

ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

^{xxxviii} Луве де Кувре собственной персоной: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#louvete>.

^{xxxix} Бабеф: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bb> «ПРИБОЙ», ЛЕНИНГРАД, 1926